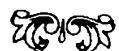

ФРАГМЕНТЫ И НАБРОСКИ

О БОГАТСТВАХ¹

О дорогой мой Хризофил!² Я прихожу в такое восхищение от картины близкого твоего счастья, которую мы начертали, когда беседовали с тобой в прошлый раз, что не могу не поддаться желанию еще раз на нее оглянуться: посему давай, прошу тебя, нанесем на эту картину последние штрихи, и приадим такое очарование ее образу, чтобы сердце твое никогда не прекращало являть тебе в оной дель и дабы мое сердце, созерцая эту картину, заранее насладилось радостью видеть тебя счастливым.

Признаюсь тебе без обиняков: до сих пор я смотрел на тебя лишь как на честолюбивого юношу, готового немалые дарования принести в жертву ради надежды приобрести крупное состояние и пожертвовать сокровищами, полученными от природы, ради тех сокровищ, которые приносит с собою мнение общества. Мне нравилось с тобою встречаться, я спешил, так сказать, наслаждаться радостями твоей беседы, подобно тому, как спешишь отдохнуть под сенью юного и прекрасного дерева, которое вот-вот будет срублено, и всякий раз, расставаясь с тобою, я говорил со вздохом: «Он мог бы стать человеком, но хочет богатства».

Но сколь удивлен я был и очарован, когда ты открыл мне всю глубину своего сердца, и я увидал в нем достойный любви и чистый источник той жадности, что меня неприятно поражала; и сколь корил я себя от всего сердца за свою несправедливость, когда та слабость, в коей я тебя обвинял, пока-

залась мне в тебе лишь еще одним основанием для того, чтобы ты стал достоин моего уважения!

Да, рек ты мне тоном, проникшим мне в душу, я стремлюсь к богатству, но для того лишь, чтобы исправлять вызванные им несправедливости. Я стенаю при виде несчастных, чьи беды я не могу облегчить; я корю себя за то, что питаю к ним лишь бесполезную жалость, и я непавижу такое положение, когда человечность не может иметь никакого действенного проявления.

Конечно, добавлял ты, я придаю цену богатствам, поскольку они употребляются на то, чтобы облегчить другим бремя бедности; и золоту, с помощью которого можно купить блага неоценимые. Будьте покойны, сколько бы сокровищ я ни мог приобрести, мне никогда не будет их доставать для совершения всего того добра, которое я желал бы совершить. Признаюсь тебе откровенно: такая речь, идущая из глубины твоего сердца, чуть было не поколебала мое окончательно. Я понимаю, что та бедность, которою я так гордился, в действительности хуже, нежели хорошее материальное положение, когда к желанию принести пользу добавляются средства, позволяющие ее приносить, и, быть может, гораздо прекраснее пристойно пользоваться богатствами, нежели уметь без оных обходиться. Богач благодетель видится мне проводником воли божества в этом мире, гордостью рода человеческого и подражателем Провидения, коего богач очерствевший есть лишь орудие.

Я замечаю, что чем больше размышляю я над твоими благими чувствами, тем больше теряю из того счастья, коим я наслаждался в своем положении: я лишен той надежды, что поддерживает твое рвенье и которая могла бы меня утешить, и посему желанье облегчить другим бремя их бедности побуждает меня не столь терпимо нести бремя бедности своей, и я опасаюсь, как бы, твердя мне столь настоятельно о том добре, которое хочешь ты сотворить когда-нибудь в будущем, ты не причинил мне нечаянно реального зла в настоящем.

Несколько успокаивает меня в этом отношении то, что, хотя многие бедняки думают так же, как я, мне никогда не приходилось встречать ни одного богача, который следовал бы таким же принципам. Я подозреваю, что, очевидно, должны существовать такие причины, которые заставляют людей менять образ мыслей, когда изменяется их положение, и которые отнимают у них желанье творить благо, когда они получают такую возможность. Позволь же мне прояснить вместе с тобою свои сомнения и проследовать за тобой по пути к богатству, как если бы я был на твоем месте или же как если бы ты был не хуже меня, не для того, однако, чтобы отвратить тебя от твоих добрых замыслов, но в утешенье мне, что не могу я сам задумать ничего подобного.

Первое, что я замечаю, приступая к такому рассмотрению, это огромное расстояние между богатством и бедностью, причем я не знаю, чем заполнить это пространство; ибо ты мне много рассказывал о том, как станешь себя вести, когда разбогатеешь, но ничего не сказал мне о том, что ты будешь делать, обогащаясь. Между тем, помышляя столь загодя о другом конце жизни, ты не должен, как кажется мне, забывать о ее течении, и мне кажется, что

недостаточно рассуждать о конце твоего путешествия, если не разведаешь ты также и пути. К примеру, прежде нужно обратить некоторое внимание на то, какими ты желаешь воспользоваться орудиями, дабы достичь своей цели: ибо поскольку ты ставишь себе задачею использовать те богатства, которые приобретаешь, иначе, нежели пользуются ими люди обычные, ты не должен, мне кажется, использовать обычные пути их приобретения, чтобы не вступить с первых же шагов в противоречие с самим собою. Посему, дабы возвысить богатства тем употреблением, какое ты хочешь из них сделать, необходимо, чтобы прославление оных начиналось с самого их возникновения и чтобы источник их был столь же чист, сколь пристойным должно быть их применение.

Я не боюсь, что ты соблазнишься незаконными путями к богатству; я знаю, что твои друзья и занятия позволят тебе, не творя несправедливости, получить весьма немалые доходы. Но мне трудно понять, как сможешь ты накопить эти доходы, не отступая от своих принципов, или же, сколько времени должен будешь ты быть безжалостным, чтобы стать в один прекрасный день благодетелем.

Скажи мне, Хризофил, остановится ли для тебя ход жизни в течение всего времени твоего постепенного возвышения? Разве не будет существовать ни бед, которые необходимо облегчить, ни бедных, которым необходимо помочь, до тех пор пока тебе не останется желать ничего большего? Или же придется до той поры отказывать в помощи любому честному человеку, изнемогающему под бременем несчастья, от которого ты мог бы его избавить? «Друг мой, из чувства человечности я должен оставить Вас погибать: ибо у меня нет еще тех ста тысяч ливров дохода, которые мне нужны, чтобы Вам помочь. Я жесток, это правда, и я сейчас не дам и одного экю, чтобы спасти весь человеческий род; но воротитесь через тридцать лет, когда я буду богат, и Вы увидите, какой я буду благодетель». Сколь странный путь к добру — начинать с того, чтобы делать зло, и к добродетели — через все убивающие ее пороки! Неужели ты думаешь, что сладостный голос природы все также удостоит звучать в твоей груди, после того, как ты был глух к нему столь долго? Неужели ты думаешь, что тридцать лет очерствения позволят тебе после этого срока открыть свое сердце для жалости, а кошелек — для несчастных бедняков?³ О, мой друг! если хочешь ты стать человеком лишь в старости, заручись чтобы природа позволила тебе дожить до старости, дабы, обманувшись в своих ожиданиях, ты не окончил свои дни, не успев подобреть, и не умер бы, не успев пожить! Воистину, глубокое презрение должен ты питать к трусости того императора, кто столь сожалел о потере одного только дня⁴, ты, который с самого начала сбрасываешь со счетов весь срок твоей молодости и три четверти дней своей жизни, о которых в самом лучшем случае можно сказать, что они лишь потеряны.

Учи, сверх того, что, помимо риска умереть прежде времени, ты рискуешь также и тем, что твои старания могут не увенчаться успехом. Ведомо ли

тебе, что во всем том, что касается до фортуны, она сильнее, нежели рвенье и старанье? Подобно своему красавице, она бежит тех, кто гонится за нею, и преследует тех, кто ее презирает. Бденье, дарования и даже удача не могут надежно обеспечить ее благосклонность. Причудница временами бросает Аристиппа ради Диогена⁵ и приемную финансиста ради пыльного кабинета философа. Лейбниц умрет в достатке, а Лас — в бедности⁶. Кто же может тебе поручиться за то, что исход будет благополучным? Сколь дерзко рассчитывать в том, что касается до исполнения своих обязанностей, на успех, столь мало зависящий от тебя самого, или же какое безрассудство в такой мере основывать на счастливом исходе сомнительного дела все то, что должно быть честного и человеческого во всех делах твоей жизни? Несчастный! Смеешь ли ты подобным образом обрекать превратностям судьбы добродетели в связи с богатством? Если ты умрешь прежде времени или если небо не благословит твоего труда, твоя юность, растряченная в напрасной погоне за химерою, облечет последние дни твоей жизни позором и отчаянием. Какой ужасный удел — пожертвовать всем ради богатства, которые не удалось обрести, прожить жизнь подобно алчному ростовщику и умереть бедным и покинутым подобно моту, не унеся с собой в могилу ни благословений других людей, ни удовлетворения самим собою и, умирая, не осчастливить по крайней мере, одного человека.

Вы теперь человек бедный и порядочный. Но знаете ли Вы, во что превратитесь, разбогатев? Ведомо ли Вам, что мысли Ваши и принципы помимо Вашей воли изменятся, когда изменится Ваше положение, и что помимо Вашей воли, когда не будете Вы тем, что Вы есть сейчас, Вы перестанете думать так, как думаете сейчас.

Я бы хотел, говорите Вы, разбогатеть, чтобы давать доброе применение своим богатствам, и если я желаю себе благосостояния, то лишь для того, чтобы иметь возможность творить благо и помогать несчастным. Как если бы первое благо не состояло в том, чтобы не творить зла! Как это возможно обогатиться самому, не содействуя этим обеднению других людей, и что сказали бы о человеке-благотворителе, который сначала обобрал бы всех своих соседей, чтобы затем иметь удовольствие подавать им милостыню! Вас, кто так рассуждает, кем бы Вы ни были, я объявляю обманутым или лицемером: либо Вы пытаетесь обмануть других, либо же сердце Ваше обманывает Вас самих, скрывая от Вас склонность Вашу под лициною человечности.

Приобретши с помощью неправедного пути возможность творить в один прекрасный день благодеяния, ты поступишь, как те ревностные богомольцы, которые свято крадут у ближнего своего, дабы воздавать дары Богу.

Но если даже предположить все это и если бы можно было примирить привычку к черствости с целью благотворительности, какую точно ступенью обозначишь ты предел своему богатству! Какое будет у тебя серьезное основание удовлетвориться одним его пределом, а не другим? Какие границы най-

дешь ты в природе вещей, когда бы ты мог сказать по совести: довольно ли? Увы! Если хочешь ты быть в состоянии исправлять все беды, что причинят люди тебе подобные, если хочешь так жить, чтобы власти твоей хватило настолько, насколько далеко простираются наши несчастья, тогда видится мне, как, ненасытный и жестокосердный вплоть до конца своих дней, ты все копишь и копишь без краю, ибо недостает тебе богатства, чтобы изливать благодеяния, и умираешь, подавленный грузом золота, лет и скрупости, ни разу не найдя ни времени, ни средств сделать хоть кому-нибудь добро.

Трудись же, будь ревностен и проворен, доставляй себе сколь возможно больше, но трати соответственно; спеши пользоваться своими достатками, давая бедняку, и сразу же обращай сии низкие деньги в добрые дела. Но независимо от твоей воли обязательно должно будет пройти некоторое время между тем моментом, когда суммы к тебе поступят, и тем, когда ты их раздашь. О Хризофил! бойся сего опасного промежутка, дрожи, как бы ты ни прельстился соблазном злоупотреблять этим священным залогом, и помни, что чем больше стойкость человека, тем меньше властны над ним искушения.

Образ мыслей людей во многом зависит от того, с кем им приходится жить, и от того, какие им приходится преодолевать искушения. Трудно сохранить верность таким принципам, которые беспрестанно подрываются, и всем тем, что нас окружает, и теми страстями, что внутри нас. Состояние, в котором ты живешь, позволяет, чтобы голос чести и правды доходил до тебя непрестанно, роскошь же, коей не можешь ты наслаждаться, мало тебя привлекала; но не найдется, что так будет тогда, когда умеренность будут тебе выставлять премудростью школьною, когда надежда их осуществить даст силу всем твоим желаниям. Когда презреть придется и притягательную силу маниящих наслаждений, и непрерывные насмешки тех, кто будет равен тебе, и когда всем твоим добрым человеческим чувствам без конца будут противопоставлять то, что приличествует твоему новому состоянию. Посему, как только ты разбогатеешь, тебе по необходимости придется выбирать между тем, чтобы жить как богач и быть неумолимым, и тем, чтобы жить как бедняк и выглядеть смешным. А в том положении, в какое поставлен ты небом, ты можешь жить скромно, не унижаясь, и исповедовать добродетель, без борьбы за нее. Подобное преимущество считаешь ли ты за ничто? К тому же все те суммы, которые со временем придется затрачивать на твое содержание, сейчас распределены внутри общества и, быть может, приносят в нем без твоего участия больше пользы, нежели ты мог бы принести сам, когда эти суммы приобретешь,— еще одно соображение, придающее некоторый вес предыдущему.

Но поверь мне, дорогой Хризофил, что либо выгода твоя подскажет тебе софизмы, убедительные для твоей добродетели, либо ты никогда не накопишь больших богатств.

Но посмотрим покуда, какие же чудеса совершишь ты с помощью своих сокровищ? Если послушать тебя, то можно подумать, что только богач может быть благодетелем и что нам всем, беднякам, не дано наслажденье когда-либо совершить самый сладостный акт человечности.

Если послушать, как ты говоришь о тех преимуществах, которые достаток дает человечности, разве не покажется, что нельзя творить благо иначе, как с помощью денег? Такое мнение больше подобает тому, кто считает, что высшее блаженство в его сундуках, пожели тому, кто ищет его в благах подлинных.

Большие потребности порождаются крупными состояниями, мудро говорил Фаворинус⁷, и нередко наилучшее средство дать себе то, в чем нуждаешься, состоит в том, чтобы отнять у себя то, чем обладаешь в избытке.

Что же сделал он для меня? Он дает мне пропитание. Э, да разве не жил бы я и без него? Нет, он не дал мне жить, он заставил меня томиться и умирать в самом позорном рабстве. Он опозорил меня и унизил, он погасил во мне всю гордость, присущую незаурядному уму, он вскормил меня не столько хлебом, сколько поруганиями, а жизнь, которую я вел в его постылом доме, сотни раз заставляла меня желать смерти... Но я-то, что сделал я для него в то же время? Я питал его тщеславие, я избавил его задубелую душу от пресыщенности самой собою, я оживил ее за счет своей собственной. Тогда как мое содержание обременяло лишь его кошелек, я ради него исчерпал свои старанья, свои таланты, свою свободу, свое естество; за деньги он выпивал мою кровь и жизнь и притязал, что дает мне пропитание.

Я знаю, что самые совестливые из тех низких людей, которых зовут порядочными, столь презирают тонкость чувств, и что с такою удобною для них честностью, горды тем, что не совершают никогда очевидной несправедливости, они, однако, не гнушаются таких прибыток, которые, не выглядя незаконными, тем не менее чинят вред другим людям. Но ты, мой дорогой Хризофил, с твоими возвышенными взглядами, что возлагают на тебя долг более суровый, ты знаешь, что первое, какое надлежит творить добро — в том, чтобы никому не творить зла, и что от законов справедливости еще очень далеко до законов добродетели. Сколь законным бы ни был твой прибыток, другие, кто, быть может, больше в нем нуждаются, могли бы получить его вместо тебя, и разве, в сущности, ты не отнимаешь у них, если поступаешь им во вред. Я вижу, следовательно, что во всех твоих делах тебя постоянно занимает опасение, как бы кому-нибудь не повредить, сам того не зная; и я не могу себе вообразить, как ты сможешь когда-либо успокоить себя насчет этого сомнения, невыносимого для всякой души благодетельной: как бы нечаянно не причинить несчастия другим людям.

Если нельзя быть истинно человечным и оставаться богачом, как же можно быть человечным и обогащаться?

Богатства. Их желают, чтобы дать им доброе применение, но им не дают такого применения, когда ими обладают.

Когда считаешь, что ты выше бед человечества, не чувствуешь уже, когда такие беды постигают других людей.

Я поостерегся бы выставлять такие препятствия перед человеком заурядным, и я прекрасно знаю, что он посмеется надо мною; но что до тебя, который хочет стать добродетельным и кто лишь для того только и стремится к богатству, то тебя эти препятствия касаются, и ты должен их преодолеть.

...Я полагаю, что ты не ответишь мне, что лучше ты сам к своей выгоде сделаешь то, что кто-либо другой все равно сделает, если ты откажешься, ибо это значило бы, что ты гордишься тем, что ты не последний из людей, и тем, что ты отрекаешься от добродетели до тех пор, пока на свете не будет людей злых и дурных.

Многие почтенные люди легко признаются мне, что лучше уж они сами воспользуются плодами мошенничества, которые совершили бы другие люди, будь они на их месте: таковы скромные признания всякого, кто считает себя достаточно добродетельным, чтобы не принадлежать к самым несчастным среди людей, и кто считает себя обязанным быть справедливым лишь после того, как справедливыми станут все. О Хризофил! если б знал я сердце твое достаточно, мне не нужно было бы опровергать подобные извинения, ибо у тебя никогда не хватило бы духу придумать такое.

Умножайте число железных дверей, запоров, цепей, стражей и надзирателей, возводите повсюду виселицы, колеса, эшафоты, изобретайте ежедневно новые пытки, ожесточайте свою душу видом всех страданий неимущих, создавайте кафедры и коллеги, где учат лишь тем правилам, которые вам подходят; привлекайте все новых писателей, платите им, чтобы воровство бедняка покрыть еще большим позором, а к воровству богача пробудить еще более безнаказанность; придумывайте каждодневно все новые отличия, дабы у одного узаконить, а у другого покарать одни и те же действия под разными именами. Но будьте покойны, что ваше ненасытное вожделение послужит лишь для того, чтобы питать вожделения других людей; ваши мошенничества лишь соберут вокруг вас множество других мошенников, которые воздадут вам такими же мошенничествами, несмотря на все ваши старания и ваш опыт; толпа падших женщин, низких орудий ваших наслаждений, омерзенье оных сносить будет лишь для того, чтобы за ваш счет вознаградить себя с презреннейшими из ваших клиентов; вашу чувственность напитает пища, наихудшая в своем роде; на столе вашем появятся лишь отбросы стола людей скромных, что сами доставляют себе пищу. Ваши жадные слуги за высокую цену подадут вам подкрашенного навозу, и вы, с вашим извращенным вку-

сом, этого даже не узнаете, а прихлебатели ваши не посмеют пожаловаться; и те, и другие втайне посмеются при виде того, как хозяин дома, то есть арбитр вкуса, исступленно отравляет самого себя, добродетельно наслаждаясь, вкушая испорченные блюда, тем, что они обошлись ему столь дорого. Между тем ваше состояние, дурно приобретенное и еще более дурно управляемое, будет растрочено в погоне за счастьем, бегущим вас непрестанно; от этого добра вам останутся лишь угрызения совести насчет его источника и сожаление о его потере. Страны ваши будут обмануты, двери ваши — высажены, засовы — взломаны, сундуки — вскрыты. Все принятые вами предосторожности обернутся лишь к вашему разорению, и если вам случайно встретится добродорядочный человек, на которого вы могли бы положиться, сразу же сотня мошенников вступит в сговор, чтобы навлечь на него подозренье и чтобы им было удобнее вас обкрадывать. Окруженный людьми с загребущими руками, вы не сможете следить ни за одним из них, не выпуская из вида тысячи других; все примет у вас перед глазами формы, противные действительности; все будет вам говорить лишь о привязанности, и все будут вас ненавидеть; вашу непреклонность не поколеблют люди добродетельные, лишь лесть пройдох сможет тронуть ваше сердце; единственные, кто сумеет пробудить вашу жалость, это те презренные, которые ничьей жалости не заслуживают. Даже оказываемые вами благодеяния, порочные в источнике их и в распределении, явят собою лишь новые преступления; наконец, тысячи коварных и подлых друзей захотят, казалось бы, пролить кровь на вашей службе и умереть за вас в случае необходимости, на деле же они втайне будут надеяться увидеть лишь желанный миг вашей агонии. И не рассчитывайте даже, что они будут ждать, дабы вас покинуть, чтобы вы не могли этого уже заметить; их жадность не оставит им для того времени, и ни для кого из вас смерть не сжалится, предупредив это удручающее зрелище; вы увидите, что эти люди гонятся лишь за тем, что их к вам привязывало! ограбленный еще при вашей жизни и у себя на глазах, вы умрете всеми покинутым бедняком, потому что жили богачом, прославляемым всеми; и, дабы выразить в немногих словах то, что в вашей судьбе всего ужаснее,— при всех бедах, что обрушиваться будут на вас непрестанно, если иногда и покажется, что выгода принимает вашу сторону, сама человечность возрадуется, взирая на ваши несчастья.

Жестокие смущенья поселят печаль в твоей душе в разгар наслаждений. Средь самых шумных твоих пиров, тысячи горьких воспоминаний, тысячи гибельных угрызений вскричат в глубине твоего сердца громче, чем все приглашенные тобою гости. Сколько раз с трудом сдерживаемые слезы, навертываясь на твои глаза, в один миг прогонят то притворное веселье, которое все старались проявлять за столом! Сколько раз представится тебе, что вместо благоуханного вина, наполняющего твой кубок, ты пьешь кровь тех несчастных, за которых ты упрекаешь себя в том, что сделал их такими. И если кары явятся тебе вот так, среди наслаждений, что же тебе останется, чтобы отразить их приступ?

И не думай, что это наихудшее из состояний, до которого тебя может низвести мягкость к себе и жестокость к другим. Сожаленья и угрызения совести содержат в себе, сколь бы ни были они жестоки, еще некоторый, не знаю уж какой, остаток тайного наслаждения души, в которой не угасли еще окончательно любовь к добру и очарование чувства. Бойся превыше всего того омертвенья развращенных сердец, того позорного и ужасного паденья, последнего предела отупения и последнего плода той борьбы, которую тупой и бесчувственный богач должен постоянно вести со своею естественною чувствительностью.

Пусть останутся они одни в своих просторных дворцах, и пусть свитою служат им лишь угрызения совести и тоска. И раз так любят они раболепие, пусть окружают их одни только слуги!

Он взирает без жалости на тех несчастных, обремененных непрерывной работой и получающих за нее едва ли не кусок черствого черного хлеба, что служит им для продленья бедственного их существования. Он не находит ничего странного в том, что доход распределяется обратно пропорционально труду и что жестокий и сладострастный бездельник жиреет на поте миллиона несчастных, истощенных тяжелым трудом и нуждою. Таково их состояние, они в нем родились, привычка все уравнивает, говорит он, и я не более счастлив под лепным потолком, чем волопас под соломенной кровлей и чем, должен был бы он добавить, даже вол в своем стойле. Но когда речь заходит о тех диких странах, обитатели которых, не ведая трудов и потребностей, живут в постоянной безмятежности? Тогда он нежно скорбит об участи этих несчастных, лишенных естественного блаженства готовить другим жизненные удобства, и ему никак не понять, что можно жить в такой стране, где нет тех почтенных богачей, что столь милосердно сосут кровь народа. В самом деле, как же не предпочтеть блестящую участь бедняги, который нам служит, праздности дикаря, которая нам ни к чему? Таковы противоречия, в которые впадают наши так называемые мудрецы, низкие восхвалители богатства, еще более низкие хулители бедности, умеющие к тому же благоразумно приспособливать свою философию ко вкусам того, кто за нее платит.

...Но не чрезвычайно ли странно, что эти изнеженные люди, ничего не щадящие ради некоторых мнимых удобств и тратящие порою немало денег, чтобы избавить себя от шумного соседства, боятся истратить несколько денье, чтобы избавиться от какого-нибудь нищего? Антипатия между богачом и бедняком столь велика, что первый предпочитает доставлять неудобства самому себе, нежели немного облегчить положение второго.

Наименьший из взносов, какой только можно сделать в торговлю благодеяниями,— это деньги.

Вместо того чтобы низменным образом вступить в класс богачей, оставайся в классе людей достойных и не посягай на то вечное разделение между этими двумя классами, которое установила между ними природа.

Один умеет извлекать свидетельства дружбы только лишь из своего кошелька, тогда как другой щедро расточает свои заботы, время, дарования, чувства, жизнь. И после такого столь неравного разделения неблагодарный богач, кичась несколькими жалкими подачками, смеет еще нагло требовать признательности.

У нас есть дарования, или, по меньшей мере, руки, оставим же этим людям их недостойные богатства и сбережем нашу свободу; поверь мне, Хризопил, их положение будет более затруднительным, нежели наше.

Самое блестательное состояние не может нас оградить от его превратностей: мы никогда не подчиним его себе, пользуясь собственным его оружием. Дабы его победить, нужно использовать иное оружие, лучшей закалки.

...Все это творится с таким блеском, с таким чванством, что тщеславие извлекает из этого пользу прежде, нежели человеческая природа успевает это заметить.

...Это значит, по меньшей мере, засвидетельствовать, что ты сочувствуешь ему в его бедствиях. Ибо в чем разница между тем, чтобы высказать ему это посредством доброго слова или посредством мелкой монеты, если не в том, что последний способ более удобен, более свойственен человеческой природе и менее лжив? Я признаюсь, однако, что еще более удобно вместо всякого ответа лишь пронестись в прекрасной карете мимо бедняка и забрызгать его лицо грязью.

Но хочешь сделать нечто, еще более полезное для человеческой природы? Не стремись к богатству, более того, научись без него обходиться; презирай высокомерие богача и научи людей на примере собственного бескорыстия искать счастья в целях более благородных.

[НАБРОСОК ПЛАНА]

Величие народов.	О Торговле.
Правление.	О Путешествиях.
О Законах.	О Пище.
О Религии.	Заблуждения общества.
О Чести.	Развитие наук.
О ф. ¹	Обсуждение Республики Платона.

[О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ]**1**

Каждый, кто, искренне отказавшись от всех предрассудков человеческой сущности, серьезно задумается обо всех этих предметах, в конце концов обнаружит, что такие громкие слова, как общество, справедливость, законы, взаимная защита, помощь слабым, философия, прогресс разума,— не что иное, как приманки, придуманные ловкими политиками или льстивыми трусами для того, чтобы обманывать простаков, и, несмотря на все софизмы резонеров, придет к заключению, что наиболее чистым естественным состоянием из всех является то, при котором люди наименее злы, наиболее счастливы и наиболее многочисленны на земле¹.

2

Голос природы и голос рассудка никогда не были бы в противоречии², если бы человек сам не наложил на себя обязательств, которые он, впоследствии, всегда вынужден предпочитать естественному побуждению.

3

Но в естественном состоянии обязанности человека всегда подчинены заботе о самосохранении, которая и есть первая и наиболее важная из всех³.

4

...откуда следует, что нарушить естественный Закон — это не что иное, как необычными и противными естественному порядку действиями создать особое исключение в каком-нибудь из этих общих соотношений.

5

Хотя ассоциации, о которых я говорил, только подразумевались, имели лишь одну определенную цель и длились не более необходимости, их породившей, они все же могут дать ему некоторое глубокое представление⁴...

6

Однако ссоры были так редки, а взаимная помощь осуществлялась так часто, что из этого свободного общения должно было возникнуть значительно больше доброжелательства, чем ненависти, т. е. такого состояния духа, которое совместно с чувствами сострадания и жалости, запечатленными в сердце каждого, должно было позволить людям достаточно мирно жить в сообществе⁵.

7

До тех пор, пока люди сохраняли свою первоначальную невинность, они не нуждались ни в каком ином руководстве, кроме голоса природы; до тех пор пока люди не сделались злыми, они были избавлены от необходимости быть добрыми⁶; ибо большинство бедствий, от которых они страдают, значительно реже исходит от природы, чем от их близких, поэтому, до тех пор пока человек не испытал соблазна причинить зло другому, благодеяния были почти излишней обязанностью; и можно сказать, что сама добродетель, составляющая счастье того, кто в ней упражняется, извлекает свою красоту и полезность из несчастий рода человеческого.

Но пришло, наконец, время, когда ощущение счастья сделалось относительным и когда потребовалось оглянуться на других, чтобы понять, счастлив ли ты сам. Еще позднее наступило время, когда благополучие каждого индивидуума оказалось в такой степени зависимым от содействия всех остальных и когда интересы переплелись столь тесно⁷, что потребовалось возвести некоторую общую преграду, признаваемую всеми, которая ограничивала усилия каждого, стремящегося устроить свою жизнь за счет других.

8

Когда мы рассматриваем естественный порядок, кажется явным, что человек предназначен быть самым счастливым из всех созданий; когда мы рассуждаем, имея в виду теперешнее его состояние, человеческий род кажется наиболее достойным сожаления. И, значит, весьма вероятно, что большая часть бедствий человека — дело его собственных рук⁸, кажется, будто бы он приложил больше усилий, чтобы испортить свое положение, чем природа положила, чтобы сделать его хорошим.

Если бы человек жил в одиночестве, у него было бы мало преимуществ перед остальными животными. Именно во взаимном общении развиваются его наиболее возвышенные способности и проявляется превосходство его природы⁹.

Заботясь лишь об удовлетворении своих потребностей, он благодаря общению с себе подобными приобретает вместе с познаниями, которые должны его просветить, чувства, которые должны сделать его счастливым. Одним сло-

вом, лишь становясь членом общества, он становится моральной личностью, разумным животным, царем среди животных и подобием Бога на земле¹⁰.

Но человек может быть весьма разумным существом, даже обладая очень ограниченными познаниями. Ибо, обращая внимание исключительно на интересующие его предметы, он мог рассматривать их очень внимательно и очень правильно сопоставлять, соответственно своим истинным потребностям. С тех пор как его кругозор расширился и он пожелал все узнать, он отказался в своих рассуждениях от такой очевидности, стал уделять гораздо больше внимания увеличению числа суждений, чем ограждению их от ошибок, и стал значительно более рассуждающим и значительно менее разумным существом.

Все эти несоответствия зависят больше от устройства общества, чем от устройства человека¹¹, ибо, что представляют собой его физические потребности по сравнению с теми, которые он у себя выработал, и как может человек надеяться, обладая ими, улучшить свое положение, если удовлетворение этих новых потребностей доступно лишь немногим и даже, в большинстве случаев, лишь избранным. и один человек не может ими наслаждаться без того, чтобы тысячи не были лишены этой возможности и не погибали в нищете после многих мук и напрасных страданий.

9

Эпохой наиболее постыдных проявлений развращенности и наибольших бедствий человека было то время, когда новые страсти уже заглушили естественные чувства, а человеческий разум еще недостаточно развился, чтобы заменить естественные побуждения правилами благоразумия. Другая эпоха, на первый взгляд менее ужасная, но в действительности еще более пагубная, это та, когда люди, изощряясь в искусстве рассуждения и безмерно предаваясь ему, дошли до ниспровержения и уничтожения всего учения об обществе и о нравственности. и стали рассматривать моральную систему лишь как приманку в руках умных людей для извлечения выгоды из доверчивости простаков.

10

Как только человек начинает сравнивать себя с другими, он непременно становится их врагом¹², ибо каждый стремится в душе быть самым могущественным, самым счастливым, самым богатым, не может не считать своим тайным врагом всякого, кто имеет те же замыслы и тем самым становится препятствием на его пути. Вот первичное и основное противоречие, которое превращает общественные привязанности в простую видимость, и только для того, чтобы свободнее предпочесть себя остальным, мы делаем вид, будто предпочитаем их себе.

11

Изолированный ч[еловек] существо столь слабое, или, по крайней мере, силы его настолько соразмерны его естественным потребностям и его перво-бытному состоянию, что стоит только этому состоянию измениться или его потребностям возрасти, как он уже не может обойтись без себе подобных, и когда в результате дальнейшего развития, его желания распространяются на всю природу, содействия всего рода человеческого едва ли достаточно для их удовлетворения. Вот так те же причины, которые делают нас дурными, превращают нас и в рабов, наша слабость рождается из нашей жадности, наши потребности сближают нас, по мере того как наши страсти нас разделяют, и чем больше мы становимся врагами, тем меньше мы можем обойтись друг без друга ¹³.

12

Однако, хотя среди людей не существует естественного и всеобщего общества, хотя они становятся злыми и несчастными, приобретая способность жить в обществе, хотя законы справедливости и равенства ничего не значат для тех, кто живет одновременно и в независимости естественного состояния и в подчинении потребностям Общественного состояния, отнюдь не полагая, что для нас нет более ни добродетели, ни счастья и что небо оставило нас без помощи при нравственной гибели рода людского, постараемся извлечь из самого зла лекарство, которое должно его излечить, путем новых ассоциаций исправим внутренний порок общепринятой ассоциации. Пусть наш не-обузданный собеседник сам будет судьей наших трудов; покажем ему, как усовершенствованное искусство жить совместно исправляет зло, причиненное природе ¹⁴ искусством первоначальным; покажем ему всю бедственность того состояния, которое он считал счастливым, покажем ему, при более разумном устройстве, цену хороших поступков, кару за дурные и дружественное согласие справедливости и счаствия; просветим его разум новыми познаниями, согреем его сердце новыми чувствами, и пусть он научится ощущать радость от умножения своего существа. путем объединения с себе подобными, наконец ¹⁵, пусть, ради собственных, лучше понятых интересов, он станет справедливым, благодетельным, умеренным, добродетельным, другом людей и самым достойным из наших граждан.

13

Ежели бы нам удалось объяснить ему истинное устройство здравого и основанного на законах правления, то, если рвение не ослепляет меня в осуществлении этого великого начинания, несомненно, что, обладая сильной душой и здравым умом, этот враг рода человеческого отрекся бы, наконец, от своей ненависти и от своих ошибок и из свирепого разбойника, которым он желал

быть, стал, ради своих лучше понятых интересов, справедливым, благодетельным, умеренным, добродетельным, другом людей и самым достойным из наших граждан.

14

Быть может, вам удалось бы отсрочить или предотвратить некоторые несчастья, которые, впрочем, быть может, с вами никогда и не случаются, но вы сможете это сделать, только доставив себе еще более вероятные несчастья и не менее пагубные¹⁶.

15

...чтобы продолжать с того места, откуда мы с вами начали. Испытаем в какой-либо области искусства управления то, что хотелось бы сделать и во всех науках; разрушим все сделанное ранее, сейчас — это лучшее, что можно сделать, ибо, чтобы установить порядок, сообразный с поступками л[юдей], следует предварительно тщательно упорядочить различные отношения, которые должны существовать между ними.

16*Г л а в а I***О ЕСТЕСТВЕННОМ ПРАВЕ
И О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ¹⁷**

Начнем с устранения двусмысленности, являющейся источником многих софизмов.

Существуют два способа рассмотрения...

[ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СОГЛАШЕНИИ]**1**

Народ может вступать в соглашение только с самим собой; ибо если бы он вступал в соглашение с теми, кому он доверил управление, то, сделав их носителями всей своей власти и не имея никакой гарантии договора, оказалось бы, что он не договаривается с ними, а поистине отдает себя на их милость¹.

2

Как можно рассчитывать на обязательства, если договаривающихся невозможно принудить к их выполнению и если интерес, который их [...] изменившись [...]²

3

Вы меня закабалили силой, и до тех пор, пока вы были сильнее, я вам честно повиновался; теперь, поскольку причина, по которой я вам подчинялся, прекратила свое существование, мое подчинение прекращается, и вы не сможете объяснить, почему я вам повиновался, не сказав одновременно, почему я вам более не повинуюсь³.

4

Передоверие, которое никогда не может быть законно, ибо оно основано на власти, не выгодной ни господину, ни рабу, и, следовательно,— противно естественному праву. Потому что преимущества повелевающего, исключая личное обслуживание, являются лишь воображаемым благом, существующим только в мнении людей, а для личного удобства Государя совершенно безразлично, имеет ли он подданных на сто тысяч больше или меньше. Еще меньшее благо быть вынужденным к повиновению, когда нет никакого ручательства, что повелевать будут разумно; но чтобы можно было по своей воле передавать народы от хозяина к хозяину как стадо, не сообразуясь ни с их интересами, ни с их мнением, то говорить об этом серьезно — значит издеваться над людьми.

5

Ибо, поскольку все гражданские права основаны на праве собственности, как только последнее будет уничтожено, никакое другое не сможет сохраняться⁴. Справедливость станет только химерой, а управление — лишь тиранией, и, поскольку общественная власть не будет иметь никакого законного основания, никто не будет обязан ее признавать, если его не вынудят к тому силой.

6

Так же, как говорят, что красота есть лишь совокупность самых обычных черт лица, можно сказать, что и добродетель есть лишь совокупность самых общих волеизъявлений⁵.

7

Злоба — это по существу, не что иное, как противопоставление личной воли общественной, и поэтому среди злых не может быть свободы, ибо, если бы каждый следовал своей воле, она противоречила бы воле общей или же воле его соседа, а чаць всего обоим, а если бы он был вынужден подчиняться общей воле, то никогда бы не мог следовать своей.

8

Поскольку в государстве общая воля является законом для справедливого и для несправедливого⁶ и всегда направлена на общественное благо и на благо частных лиц, публичная власть должна быть лишь исполнительницей этой воли, откуда следует, что из всех видов Правительства лучшее по своим свойствам то, которое ей лучше всего соответствует: такое, у членов которого меньше всего личных интересов, противоречащих интересам народа; ибо такая двойственность интересов не может не привести к появлению у руководителей личной воли, часто при управлении берущей верх над общественной; если полнота тела приносит вред голове, то она уже позаботится о том, чтобы тело не прибавляло в весе. Если счастье народа служит препятствием честолюбию его руководителей, пусть народ и не льстит себя надеждой когда-либо быть счастливым.

Но если правительство организовано так, как должно, и если оно следует тем принципам, которые оно должно соблюдать, то его первой заботой в области экономики⁷ или общественного управления будет непрерывное наблюдение за выполнением общей воли, являющейся одновременно и правом народа, и источником его счастья. Всякое решение этой воли называется законом, и, следовательно, первая обязанность руководителей следить за их выполнением⁸.

9

Невозможно, чтобы правительство посягнуло на свободу, пока оно действует только в интересах общественного блага, ибо в этом случае оно лишь выполняет общую волю, и никто не может считать себя порабощенным, если он подчиняется только своей собственной воле⁹.

10

Но каждый раз, когда речь идет об истинном акте суверенитета, который представляет собой не что иное, как провозглашение общей воли, народ не может иметь своих представителей¹⁰, потому что он не в состоянии удостоверить-

ся, что они не подменят его воле изъявления своим и не заставят частных лиц именем народа повиноваться распоряжениям, которых он и не давал и не собирался давать. От преступления оскорбления величества свободны очень немногие Правительства.

11

Поэтому не следует смешивать сущность гражданского общества с сущностью суверенитета. Ибо общественный организм возникает в результате единичного волевого акта, и вся продолжительность его существования является лишь следствием и результатом предшествующих обязательств, действие которых прекращается только при распаде этого организма. Но суверенитет, который является лишь осуществлением общей воли, свободен, как она, и не подчинен никакого рода обязательствам. Каждый акт суверенитета, так же как каждый момент его существования, абсолютен, независим от предшествующего момента, и никогда суверен не действует потому, что он хотел, но потому, что он хочет¹¹.

12

Я уже говорил в другом месте, какова цель общественного управления, и указывал, как должно быть организовано правительство, чтобы самым прямым путем стремиться к этой цели; здесь мне остается рассмотреть, что оно должно делать, чтоб достигнуть ее или как можно ближе к ней подойти.

Цель правительства — осуществление общей воли, мешают ему в достижении этой цели — препятствия частных волеизъявлений¹².

13

Все важнейшие обязанности правительства содержатся в следующих немногих основных пунктах: 1 — заставить соблюдать законы, 2 — защищать свободу, 3 — поддерживать добрые нравы и 4 — заботиться об удовлетворении общественных потребностей. Однако какими бы важными ни казались эти требования, они сводятся к пустым, бесплодным и невыполнимым предписаниям, если им не придаст действенности активный и возвышенный принцип, который должен их вдохновить: именно это я и хотел бы попытаться объяснить.

14

Первая цель, которую ставили перед собой люди в гражданском союзе, была их взаимная защита, т. е. обеспечение жизни и свободы каждого всем обществом. Следовательно, первая обязанность правительства — обеспечить Гражданам возможность мирно наслаждаться и той и другой, и даже соблюдение самих законов требуется столь строго лишь потому, что закон есть не

что иное, как изъявление общественной воли, и ее нельзя нарушить не посягнув на свободу. Поскольку все Общество — это не что иное, как совокупность частных лиц, его права основаны лишь на их правах.

15

Когда все части государства способствуют его прочности, когда все его силы готовы, в случае необходимости, объединиться для его защиты и когда все отдельные лица заботятся о своей безопасности лишь в той мере, в какой она будет полезна для безопасности государства, тогда этот организм защищен как нельзя лучше и всей своей массой сопротивляется нападениям извне. Но когда общественный порядок не упрочен и действие его не имеет единого направления, а его силы, разделенные и противодействующие друг другу, взаимно уничтожаются, малейшего усилия достаточно, чтобы нарушить это равновесие, и государство разрушается при первом нападении.

16

Скажем, в заключение, что сердце Граждан — лучшая охрана Государства, что Государство всегда будет хорошо защищено, если оно хорошо управляетя, что эта область управления столь тесно связана со всеми другими, что хорошее правительство не нуждается ни в войсках, ни в союзниках, а плохое становится еще хуже, опираясь на таких защитников.

17

Поскольку я должен говорить о правлении, а не о суверенитете, вынужденный, кроме того, ограничиваться общими правилами, приложимыми ко всему, я начал с того, что допустил существование хороших Законов; Законов, не продиктованных никакими частными интересами и, следовательно, являющихся созданием народа в целом. Я потребовал, чтобы они строго соблюдались и чтобы руководители, в своих собственных интересах, подчинялись им наравне с народом. Я показал, что это можно осуществить только при хороших правах и любви к родине, я говорил о средствах достигнуть того и другого. Мне думается, теперь я могу заключить, что, поскольку все эти правила осуществимы и достаточны, ибо любовь к родине заменяет все, возможно с их помощью счастливо и мудро править свободным народом, не придумывая для этого особой породы людей, более совершенной, чем наша, даже если станут утверждать, что римляне и спартанцы были иными по своей природе, чем мы. Вот все, что я хотел сказать о том разделе Общественной экономии, которая относится к управлению людьми; мне остается рассмотреть ту, которая касается управления имуществом.

18

Удивительно, что среди стольких существенных различий Аристотель наметил только одно, даже не универсальное. А именно, что Республика управляется множеством руководителей, тогда как у семьи всегда только один.

19

Первоначальное сообщество не могло быть построено по образцу семьи, ибо, поскольку оно было составлено из множества семей, не имевших до объединения ни одного общего закона, сообщество не могло воспользоваться их примером для установления законов государства. Напротив, государство, если оно хорошо управляется, должно дать всем семьям общие законы и в равной мере обеспечить власть отца, послушание слуг и обучение детей.

20

В тех Государствах, где нравы более совершенны чем Законы, как это было в Римской Республике, власть отца была неограниченно велика, но повсюду, где, как в Спарте, законы являются источником добрых нравов, власть частного лица должна быть настолько подчинена общественной, чтобы даже в семье оказывалось предпочтение распоряжениям Республики перед распоряжениями отца. Это утверждение кажется мне бесспорным, хотя из него вытекает следствие, противоречащее следствию из *Духа Законов*¹³.

21

Однаково опасно, чтобы Суверен посягал на функции Магистрата или Магистрат на функции суверенитета.

22

Одним из первых законов государства должно быть запрещение одному и тому же лицу занимать одновременно несколько должностей, либо для того, чтобы большее число граждан принимало участие в управлении, либо, чтобы не предоставлять ни одному из них больше власти, чем хотел законодатель.

23

Вот почему власть магистратов, вначале распространявшаяся только на л[юдей], вскоре оказалась правом на владения, и, таким образом, титул главы рода превратился в конце концов в титул суверена территории¹⁴.

24

Могущество народа служит скорее доказательством его способности распространяться или сохранять свои границы, чем доказательством его благополучия.

25

Что касается распространенного соображения, будто следует непрестанно занимать простой народ, отвлекая его воображение от дел правления для того, чтобы он был спокоен и благоразумен, то это соображение опровергается опытом: ибо никогда в Англии не было так спокойно, как сейчас, и никогда частные лица столько не занимались делами нации и столько их не обсуждали. И, наоборот, посмотрите, как часты перевороты на Востоке, где дела Правления всегда являются для народа непроницаемой тайной.

Совершенно очевидно, что эти варварские и софистические принципы были введены в обиход развращенными и бесчестными министрами, весьма заинтересованными в том, чтобы их злоупотребления не были преданы [гласности?].

26

Если существует государь, следующий противоположным принципам, то это тиран. А если существует подданный, способный внушить такие принципы своему государю, то это предатель.

27

Многие почитали честность и вознаграждали добродетель, но одно дело характер монарха, а другое — дух монархии¹⁵. Прислушайтесь, как кипит и ропщет партер при развязке «Тартюфа»; этот грозный ропот, от которого должны бы затрепетать короли, лучше всего объясним вам, что я хочу сказать.

28

И[исус] Х[ристос], царство которого было не от мира сего, никогда не помышлял дать хоть пядь земли кому бы то ни было и вовсе не владел ею сам, но его смиренный наместник, присвоив себе земли Цезаря, распределил земное царство между служителями Божими.

29

...мудрость правления, единственность Законов, неподкупность правителей, доверие народа, согласие между всеми сословиями и, главное, всеобщее стремление к общему благу...

[О СЧАСТЬЕ НАРОДА]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я буду говорить правду и скажу ее так, как это ей подобает. Малодушные читатели, которых ее простодушие отвращает и ее искренность возмущает, закройте мою книгу, не для вас она написана. Язвительные читатели, denenющие в истине лишь то, что может питать вашу злобную душу, закройте и отбросьте мою книгу, вы не найдете в ней того, что вы ищете, и вскоре увидите отвращение, которое питает к вам автор.

Если это сочинение попадет в руки человека добрых нравов, который ценит добродетель, любит своих собратьев, сожалеет об их ошибках и ненавидит их пороки, который умеет иногда растрогаться бедствиями человечества и, главное, который стремится к самоусовершенствованию, он может спокойно прочесть эту книгу. Мое сердце найдет отклик в его сердце.

Мне приятно льстить себя мыслью, что некогда какой-нибудь государственный муж окажется Гражданином, что он будет изменять порядки не для того только, чтобы поступать иначе, чем его предшественник, а для того, чтобы улучшить положение дел; что забота о народном благе не будет у него постоянно только на устах, но хоть немного будет и в сердце. Что он не сделает народы несчастными для того, чтобы укрепить свою власть, но заставит свою власть служить установлению счастья народов. Что, по счастливой случайности, ему попадется на глаза эта книга, что мои смутные мысли вызовут у него более полезные, что он будет стремиться сделать людей лучше, или счастливее, и что, быть может, и я окажусь к этому причастным. Эта мечта заставила меня взять в руки перо.

1

После того как несколько лет пройдут и изгладят из литературной летописи мое имя, пусть останется оно жить у какого-нибудь народа, бедного и неизвестного, но мудрого и счастливого, народа, который, предпочитая мир и невинность славе и победам, иногда будет с удовольствием читать...

2

Ибо, истощив все приятные занятия, чтобы избежать безделья, ставшего непереносимым благодаря привычке к размышлениям, приходится в конце концов вернуться к занятиям полезным. Впрочем, искусства, самые, казалось бы, пустые...

[О СЧАСТЬЕ НАРОДА]¹

1

Среди стольких промыслов, искусств, роскоши и великолепия, мы ежедневно скорбим о страданиях человечества и считаем столь труднопереносящим бремя нашего существования, отягченное всеми его бедствиями, и в то же время нет, пожалуй, среди дикарей, живущих голыми в лесу, раздираемых терниями, платящих потом или кровью за каждый съеденный кусок, ни одного, кто бы не был доволен своей участью, не находил бы удовольствия в жизни и не наслаждался бы каждым днем своего существования так радостно, будто его не ожидают назавтра те же тяготы. Самые большие наши бедствия происходят от тех стараний, которые мы затратили на предотвращение малых.

2

Начнем с устранения двусмыслиности выражений. Лучшее Правление отнюдь не всегда самое сильное. Сила — лишь средство, цель ее действия — счастье народа. Но смысл слова «счастье», достаточно неопределенный для отдельных людей, еще менее определен для народов, и именно из различия представлений о счастье рождается различие политических принципов, которые ставят себе целью. Попытаемся же составить мысленное представление о счастливом народе, а затем, на основании его, установим свои законы.

Вы спрашиваете, господа, — какой народ был самым счастливым²; я не достаточно учен, чтобы действительно разрешить этот вопрос, но попытаюсь установить надежные принципы для его разрешения; если мне это удастся, я смогу считать, что действую согласно вашим намерениям и не отклонился от цели.

Где же этот счастливый человек, если только он существует? Известно ли это кому-нибудь? Счастье — отнюдь не просто наслаждение, оно не заключается в преходящем изменении души, но в постоянном и сугубо внутреннем чувстве, о котором не может судить никто, кроме того, кто его испытывает; значит, никто не может с уверенностью решить, что другой счастлив, ни, следовательно, установить достоверные признаки счастья отдельных лиц. Но дело обстоит иначе с политическими обществами. Их благо, их беды явны и очевидны, их внутреннее чувство является чувством общественным. Без сомнения, толпа при этом ошибается, но в чем она не ошибается? Для каждого, кто умеет видеть, люди — то, чем они кажутся, и не будет дерзостью судить об их моральной сущности.

Несчастье людей заключается в противоречии, существующем между нашим состоянием и нашими желаниями, между нашими обязанностями и нашими склонностями, между природой и общественными установлениями, меж-

ду человеком и гражданином. Сделайте человека чем-нибудь одним, и вы сделаете его счастливым, насколько это для него возможно.

Отдайте всего человека государству или же предоставьте его полностью самому себе, но если вы делите его сердце на части, оно разрывается³; и не вздумайте вообразить, что государство может быть счастливо, когда все его члены страдают. То моральное состояние, которое вы называете счастьем народа, само по себе лишь химера: если никто не испытывает чувства благополучия, то оно ничего не стоит, и семья отнюдь не процветает, если не преуспевают дети.

Дайте людям возможность соответствовать своей природе, пусть они будут такими, какими они хотят казаться, и пусть кажутся такими, каковы они в действительности⁴. Тем самым вы вложите в их сердца закон общежития; люди, способные к нему по своей природе и Граждане по своим склонностям⁵, они станут едины, станут добры, станут счастливы, и их благоденствие будет благоденствием Государства; ибо, будучи чем-то, лишь благодаря ему, они станут чем-либо лишь для него, у Государства будет все, что есть у них, и оно будет всем, что они собой представляют. К силе принуждения вы тем самым добавили силу волеизъявления, к общественной сокровищнице вы присоединили имущество частных лиц; Государство будет всем, чем оно может быть, когда охватит все. Семья, указывая на своих детей, скажет: благодаря им я процветаю. Во всякой другой государственной системе всегда найдется что-нибудь, что не будет принадлежать государству, хотя бы воля его членов, а кто же может не принимать во внимание влияние этой воли в делах? Когда каждый хочет счастья лишь для самого себя, не существует счастья для отечества.

3

...и, главное, не будем забывать, что общественное благо должно в чем-то быть благом для всех, иначе — это слово, лишенное смысла.

4

Моральное состояние народа меньше зависит от абсолютного состояния его членов, чем от их отношений между собой.

5

Чтобы ясно понять, каким образом народ может быть счастлив, начнем с рассмотрения состояния тех, кто не счастлив. Выясняя, чего им не хватает, чтобы быть счастливыми, мы сможем узнать, чем должен обладать тот, который счастлив.

6

...счастье народа⁶, недостаточно будет даже подсчитать голоса; и благополучие народов, которое от столь многоного зависит, нельзя определить так же легко, как благополучие отдельных лиц. Следовательно, необходимо различать среди множества признаков, могущих ввести в заблуждение относительно счастья народа, истинные признаки, его характеризующие.

7

Если для того, чтобы начать с правильного определения рассматриваемого положения, я мог бы точно установить, в чем состоит при любом правлении истинное благоденствие Государства и каковы наиболее бесспорные признаки, по которым можно утверждать, что какой-либо народ счастлив и процветает, вопрос был бы почти разрешен самим определением: но, так как это определение зависит от множества отдельных правил, которые можно установить лишь путем обсуждения и лишь по мере углубления в этот вопрос, я буду вынужден в настоящее время ограничиться самым общим определением, но таким, которому, я полагаю, ни один здравомыслящий [человек] не сможет отказать в одобрении.

Итак, я утверждаю, что самый счастливый народ — это тот, который может легче всего обойтись без всех остальных, а наиболее процветающий — тот, без которого меньше всего могут обойтись остальные⁷.

Если бы я составил собирательное представление о счастье государства из представлений о счастье каждого из граждан, его образующих, я смог бы сказать нечто более ясное многим из читателей, но, помимо того что никогда нельзя было бы сделать никаких заключений из этих метафизических понятий, зависящих от способа мышления, от расположения духа, от настроения и от характера каждого индивидуума, оказалось бы, что я дал весьма неточное определение. Государство может быть организовано прекрасно и таким образом, чтобы навеки обеспечить его процветание и благоденствие, и все же его граждане, занятые каждый осуществлением своих личных делей, никогда не были бы им довольны. Когда Ликург ввел свои законы, ему пришлось вынести не только бесконечные жалобы, но даже дурное обхождение лакедемонян, и он был вынужден прибегнуть к хитрости и отправиться заканчивать свои дни на чужбине, чтобы заставить своих сограждан сохранить законодательство, сделавшее их самым прославленным и самым уважаемым народом из всех существовавших на земле. Разве римляне непрестанно не жаловались на правление, при котором они стали властителями мира, и даже сейчас, разве народ, управляемый лучше всех, не ропщет сильнее других? Не существует правления, способного принудить своих Граждан быть счастливыми, лучшее из них то, которое предоставляет им эту возможность, если они разумны. И это счастье никогда не будет принадлежать толпе.

Общественное управление следует видоизменять отнюдь не в соответствии со склонностями или желаниями каждого отдельного человека, для того, чтобы быть хорошим, оно должно быть установлено на более общих законах. В любом государстве мудрое правление способно, при помощи образования и обычая, выработать общественные нравы и так руководить склонностями отдельных людей, что они обычно оказываются более довольны правительством, под властью [которого] они живут, чем были бы под властью любого другого, безразлично, лучшего или худшего. Ибо, хотя люди жалуются всегда, быть может, оказавшись в каком-нибудь другом положении, они будут жаловаться еще сильнее. Следовательно, не по ощущению Гражданами своего счастья, а значит, и не по самому их счастью должно судить о процветании Государства.

Можно к тому же сказать, [что] общим положением всего народа в целом, наиболее благоприятным для счастья отдельных лиц, является то, при котором он может жить счастливо, не нуждаясь в содействии никаких других народов; ибо тогда, чтобы наслаждаться полным, доступным людям счастьем, достаточно с помощью мудрых законов позаботиться о взаимной выгоде всех людей, что меньше бы зависело от них самих, если бы приходилось прибегать к помощи чужеземцев. А если при этом другие народы нуждаются в том, который сам ни в ком не нуждается, то нельзя себе представить положения более благоприятного для того, чтобы сделать членов этого общества столь счастливыми, сколь это возможно для людей.

Я мог бы также утверждать, что наиболее счастливым народом является тот, у кого больше всего денег, или тот, который ведет самую обширную торговлю, или народ наиболее искусный в ремеслах, и такое мнение оказалось бы наиболее единодушным. Но, если эти определения правильны, тогда то, которое я дал ранее, должно быть их непременным следствием, ибо⁸ если деньги и делают богачей счастливыми, то не столько благодаря непосредственному обладанию ими, сколько потому, что, во-первых, позволяют им удовлетворять свои потребности, во всем осуществлять свою волю и никогда ни от кого не зависеть, а во-вторых, позволяют повелевать другими и держать их в зависимости от себя. А это как раз те представления, из которых я составил свое о счастливом и процветающем народе.

Что же касается торговли и ремесел, то, поскольку их главная цель — обеспечивать оборот и создавать изобилие денег, на которые можно получить сколько угодно и того и другого, и, снова предполагая это определение правильным, мы видим, что и оно также входит в мое определение.

После того как я показал, что мое определение включает все остальные и что оно, следовательно, наиболее общее, мне остается показать, что оно также и наиболее правильное и лучше всего согласуется с нашим представлением о счаствии и благодеянии.

Все наши потребности — это потребности двух родов, а именно: физические, необходимые для нашего сохранения, и те, которые относятся к нашим удобствам, наслаждениям, пышности и предметы которых носят обычно название роскоши. Последние буквально становятся истинными потребностями, когда длительное использование создает у нас привычку наслаждаться ими и когда наше физическое устройство, так сказать, приспособилось к этой привычке. Так, горожанка, находясь в течение двух часов в сильный летний зной в поле без зонтика, почти неминуемо получит солнечный удар, а быть может, и смертельную болезнь, тогда как крестьянка не почувствует себя плохо; горожанин не может обойтись без лошади, чтобы отправиться в свое загородное поместье, путь к которому его арендатор ежедневно проходит пешком. А иной придворный, привыкший к удобству почтовой кареты, не смог бы без неудобства проделать то же путешествие верхом. Так все, вплоть даже до самых ядов, может стать в результате привычки физической потребностью, как опиум у турок и реальгар у китайцев.

8

Ио когда сам правишь народом, который должен сделать счастливым, надо ли писать книги, чтобы научить государей, как составить счастье народов? Короли, поучайтесь на собственном опыте.

9

Поступайте так же, но по более справедливым мотивам; вы должны заботиться о безопасности ваших подданных, защищать их самих и их имущество от насилий и притеснений; но это еще всего лишь половина вашей задачи, вы должны сделать их даже счастливыми. В этом-то и состоят совершенные обязанности государя.

[О РОСКОШИ, ТОРГОВЛЕ И РЕМЕСЛАХ]¹

[1]

Если бы людям было дано знать, насколько опасность заблуждений² пре-восходит ту пользу, которую они получают от познаний, они с меньшею жадностью внимали бы урокам философов; философы же давали бы людям уроки

с большею осмотрительностью, будь им ведомо, что одно-единственное ошибочное рассуждение подрывает доверие к ним больше, нежели могут им помочь завоевать доверие людей сотни открытых ими истин. Наилучшее применение, которое можно дать философии,— это использовать ее для искоренения того зла, что она причинила, даже если бы пришлось при этом пожертвовать приносимым ею благом, ежели таковое будет. Ибо все-таки лучше исключить то доброе, что добавляется к первичным познаниям нашего разума и чистым чувствам естества, нежели оставить дурное. Следовало бы, для выгоды общества, чтобы философы распределили труды свои между собою таким образом, чтобы после многих книг и диспутов все они опровергли друг друга и чтобы все в целом оказалось как бы недействительным. Правда, тогда мы ничего не знали бы, но мы согласились бы в том чистосердечно и на деле сократили весь тот путь, который должны проделать в поисках истины, идя назад от заблуждения к полному неведению.

Дабы содействовать достижению этой спасительной цели, я попытаюсь рассмотреть некоторые вопросы политики и морали, поднимаемые и разрешаемые некоторыми нынешними писателями; вопросы, относящиеся к числу тех, над которыми я обязан был поразмыслить. Я также надеюсь таким способом развить некоторые теоремы, которые, опасаясь отступать от предмета моего рассмотрения, я выдвинул без доказательств в других своих сочинениях. Но, поскольку при всем этом я задаюсь целью не столько установить новые истины, сколько поколебать заблуждения, я чистосердечно признаюсь, что, когда никто не будет помнить о сочинениях моих противников, мои собственные сочинения станут совершенно излишни. У меня нет никакого желания указывать путь моим современникам,— я лишь их предупреждаю, когда обнаруживаю, что тот, кто берется указывать им путь, на самом деле ведет их неверно; и мне не пришлось бы утомлять современников, излагая свое мнение, если бы никто не брался ими руководить.

Вопрос, который я полагаю здесь рассмотреть, касается роскоши, торговли и ремесел, однако не в отношении их к нравам, как я это рассматривал ранее, но под новым углом зрения, в том, что касается до отношения этого вопроса к процветанию Государства.

Все древние смотрели на роскошь как на признак порчи нравов и ослабления Правления. Законы против роскоши³ почти столь же древни, как и сами общества политические. Такие законы были у египтян; древние евреи получили их от своего Законодателя⁴; их находят даже у персов; что же до греков, то их глубокое отвращение к азиатской пышности — это наилучший закон против роскоши из тех, что они могли бы иметь.

Это презрение к роскоши было еще сильнее у римлян. Роскошь и пышность, принятые у других наций, были для них поистине предметом насмешек; а то, как они обращались с предметами роскоши и знаками пышности во время своих триумфов, гораздо более способно было выставить на осмеяние

все пустое великолепие побежденных народов, нежели пробудить у победителей желание им в этом подражать.

Было естественно, что презрение к роскоши сказывалось на отношении к торговле. Римляне ею гнушались, греки предоставляли у себя заниматься ею чужеземцам⁵; рукомеслами занимались у них почти одни только рабы; и даже от людей, занимавшихся свободными искусствами, требовалось выдающиеся дарования, чтобы им оказывалось известное уважение, да и то в Риме такие люди могли приобрести это уважение лишь во времена Республики. Одним словом, в тех странах, где деньги презирали⁶, почти всегда получалось так, что в средствах их приобретения находили нечто позорящее.

Когда народы эти начали приходить в упадок, после того, как тщеславие и любовь к наслаждениям пришли на смену любви к отечеству и к добродетели, тогда со всех сторон стали проникать порок, любовь к наслаждениям, и для их удовлетворения нужны были лишь роскошь да деньги. Обогащались частные лица, расцвели торговля и ремесла, Государство же вскоре погибло.

Между тем, в пору величайшего развращения, философы и политики не прекращали громко восставать против всех этих расстройств, последствия которых они предвидели. Никто им не возражал, и никто не исправлялся. Соглашались, что их доводы основательны, и вели себя так, чтобы эти доводы получали новые основания. Сами эти витии обличали заблуждения народа лишь для того, чтобы сделать более простительными свои собственные. Они публично клеймили пороки, коих пример подавали бы сами, если бы другие их уже не предупредили.

Так, ведя себя противно собственным своим принципам, эти люди тем не менее почитали истину. Так все нации согласились во все времена осудить роскошь, даже предаваясь ей; при этом в течение столь долгой вереницы столетий ни один философ не осмелился противоречить общему мнению.

Я не притязаю на то, чтобы подкрепить этим всеобщим согласием то мнение, которое мне надлежит отстоять. Я знаю, что философия, принимая доказательства философов, вполне обходится без их свидетельств и что разуму только и надлежит, что создавать авторитеты. Но, наученный опытом тому, сколь вредно именовать парадоксами⁷ предположения доказанные, я заранее стараюсь лишить этого средства тех, у кого нет никаких иных средств оспорить то, что предстоит мне доказать. Я их, следовательно, предупреждаю, что нападаю на то именно мнение, которое следует именовать парадоксом столь же неслыханным до сего дня, сколь смешон он и опасен, и что, опровергая эту слабодушную и изнеженную философию, удобные принципы которой завоевали ей среди нас столь много сторонников, я лишь присоединяю свой голос к крикам всех наций и защищаю дело здравого смысла, равно как и дело общества.

Наконец, спустя столько веков, двое людей⁸, стремясь прославиться, высказывая странные мнения, могущие польстить вкусам того столетия, в кото-

ром они живут, осмелились в наши дни опровергнуть все экономические принципы политиков древности и выдвинуть на их место совершенно новую систему правления, и притом столь блестящую, что трудно было ею не увлечься; не говоря уже о том, что для частных интересов эта система была выгодна, она к тому же явила еще одно средство достичь успеха в тот век, когда никого не заботит уже больше благо общественное и когда слова эти, смехотворно опошленные, служат лишь извинением для тиранов и предлогом для мошенников.

[2]

Дабы рассуждать основательно о том вопросе, о котором идет речь, я хотел бы вначале установить ясный и определенный принцип, такой, чтобы против него никто не мог выдвинуть разумных возражений и чтобы вместе с тем этот принцип мог служить основой для всех моих разысканий; иначе, располагая вместо определения лишь теми смутными представлениями, которые создаются у каждого по-своему и притом согласно его личным склонностям, мы никогда не узнаем как следует, что надлежит разуметь, говоря о счастьи и процветании какого-либо народа.

Прежде чем говорить о средствах сделать какой-либо народ счастливым и процветающим, попытаемся определить, в чем именно состоят слава и благодеяние народа или же по каким именно признакам можно узнать, что народ пребывает в таком состоянии.

Я хорошо понимаю, что этот вопрос покажется весьма затруднительным для разрешения большинству нынешних политиков. Ибо один мне заявит без колебаний, что нация самая счастливая это та, у которой лучше всего развиты ремесла; другой, что это та, у которой еще больше процветает торговля; третий, что та, у которой больше всех денег; большинство же будет считать счастливой ту нацию, у которой все эти преимущества соединены в самой высокой степени. Рассмотрим прежде всего, верны ли эти определения.

Во-первых, что до торговли и ремесел, то совершенно очевидно, что даже в той системе, на которую я нападаю, это скорее средства, применяемые для того, чтобы содействовать обеспечению процветания Государства, чем сама сущность процветания. Ибо я не думаю, чтобы кто-нибудь, с целью показать, в чем именно состоит счастье народа, решился когда-либо выдвинуть в качестве доказательства то, что народ счастлив, когда он состоит из работников и торговцев⁹. И если даже я бы и согласился с тем, что работники и торговцы необходимы нации для удовлетворения нужд общества, отсюда никак не следует, что нация счастлива именно благодаря этому, поскольку можно доказать, как я это и сделаю впоследствии, что торговля и ремесла, обеспечивая удовлетворение некоторых потребностей мнимых, приводят к возникновению гораздо большего числа потребностей подлинных.

Мне скажут, быть может, что ремесла, мануфактуры и торговля имеют своею целью не столько удовлетворение личных потребностей граждан, сколько обогащение Государства, либо путем привлечения денег из-за границы, либо ускоряя обращение тех денег, которые в Государстве уже есть; откуда следует заключить, что все счастье народа состоит в том, чтобы он был богат на звонкую монету,— вот это и остается мне рассмотреть¹⁰.

Поскольку золото и серебро — это лишь знаки¹¹, представляющие предметы, на которые они обменены, они не имеют, собственно, никакой безотносительной ценности, и даже от суверена не зависит¹² придать им таковую. Ибо когда государь устанавливает, например, что кусок серебра, такого-то веса и чеканенный таким-то образом, будет стоить столько-то ливров или солей, он определяет этим некую меру для обращения и не делает ничего более. Экю стоит тогда столько-то ливров или флорин столько-то солей, это поистине так; но ясно, что цена соля или ливра и, следовательно, флорина или экю останется столь же изменчивой, как и ранее, и будет в обращении продолжать повышаться или падать не по воле государя, но в силу совсем других причин. Все операции, которые производятся над самой монетой для установления ее цены, это, следовательно, лишь операции мниморезультивные; если же они и дают определенный реальный эффект, то лишь в отношении выдаваемых ежегодно жалований, пенсий и всех платежей, размеры которых выражены лишь в идеальных ливрах, флоринах¹³ или других им подобных единицах. Таким образом, когда государь поднимает цену монеты, то это мошенничество, посредством которого он обманывает своих кредиторов, когда же он цену монеты понижает, то здесь мошенничество иного рода,— при помощи его государь обманывает своих должников. Но поскольку цена всех товаров повышается или понижается пропорционально изменению цены монеты, в обращении все время сохраняется одно и то же соотношение между знаком и представляемой им вещью. То, что я здесь говорю о деньгах из серебра, должно равным образом пониматься и в отношении цены золотой и серебряной марки¹⁴, которая определяется публичным эдиктом. Эта цена есть лишь то, во что ее превращает курс обращения; и, вопреки всем эдиктам, здесь ощущаются подобные же колебания, зависящие от того, хорошо или плохо идут дела.

Хотя деньги не имеют сами по себе никакой реальной ценности, они, в силу молчаливого соглашения, приобретают таковую во всякой стране, где они в ходу; и эта ценность измеряется соответственно сочетанию причин, ее определяющих. Эти причины могут быть сведены к трем основным, именно: 1) изобилие монеты или ее редкость; 2) изобилие или недостаток продуктов питания и других товаров; 3) степень обращаемости, которая зависит от количества обменов, т. е. от оживленности торговли. В зависимости от того, каким образом сочетаются в той или иной стране эти три условия, деньги могут подскочить в цене непомерно либо же упасть почти совершенно, откуда сле-

дует, что Государство может оказаться в таком положении, когда, обладая весьма большим количеством денег, оно, в действительности, пребывает в превеликой бедности и испытывает недостаток в самом необходимом; и, напротив, в Государстве может не быть денег, а между тем оно оказывается весьма богатым, благодаря изобилию в нем тех предметов, на приобретение которых другие народы вынуждены тратить деньги.

К этому первому наблюдению следует добавить второе, не менее важное и вытекающее из первого как его отдаленное следствие: оно состоит в том, что надлежит четко различать из ряда вон выходящие богатства, составляющие исключение, и средний достаток, обычный у данного народа¹⁵.

Поскольку эти слова *богатый* и *бедный* имеют смысл относительный, бедные существуют лишь постольку, поскольку существуют богатые; и все это может разуметься не только в одном лишь смысле; однако в настоящее время я ограничусь только отношением между этими двумя понятиями.

Богатым называют такого человека, у которого добра больше, нежели обычно его имеет большинство людей; бедным же называют не только того, у кого добра недостаточно для жизни, но и того, у кого добра меньше, чем у других. В обществе возможны такого рода перевороты, в результате которых один и тот же человек может становиться то богатым, то бедным, без того чтобы состояние его увеличивалось или уменьшалось¹⁶.

То же самое можно сказать о нациях, если взять каждую из них в отдельности и сопоставить между собою. Поэтому каждый народ прилагает едва ли не больше забот, хотя и более скрыто, к тому, чтобы нарушать выгоды других народов, нежели к тому, чтобы трудиться над приобретением выгод для себя. Интересы человечества приносятся тогда Политическим организмом в жертву интересу своего народа, подобно тому как они приносятся изо дня в день частными лицами в жертву духу собственности. Между тем не без труда можно понять, каким образом то, что какая-либо страна беднеет, может содействовать благосостоянию жителей другой страны.

Предположим, что после долгого и мучительного напряжения усилий народ в этом отношении достиг осуществления своих намерений, что он разорил своих соседей и собрал в своих руках столько золота и серебра, сколько есть этих металлов во всех других странах; и посмотрим, что воспоследует из такого его prodвetания для личного благоденствия каждого из граждан в отдельности.

1. Если эти богатства распределены поровну, достоверно, что такое равенство богатств не может сохраниться надолго, или богатств как бы не будет существовать для тех, кто ими обладает, потому что в том, что превосходит непосредственно необходимое для жизни, выгоды богатства ощущаются лишь соразмерно различиям в достатке.

Следовательно, если при таком предположении все эти богатства исчезнут за одну ночь, причем так, чтобы это не сказалось на изменении цен на

продукты питания и другие товары, никто не почувствует подобной потери и едва ли даже кто-либо заметит ее на следующий день.

Но останавливаться на столь химерическом предположении как равное распределение богатств¹⁷, значило бы слишком злоупотреблять временем; существование такого равенства нельзя допустить даже в порядке предположения, ибо оно не заключается в природе вещей; и я полагаю, что не найдется ни одного здравомыслящего читателя, который сам не предвосхитил бы такой вывод.

2. С того момента, как людям стало известно применение золота, они все стремятся сбить его побольше, и их успехи в этом отношении, естественно, соответствуют различным степеням проворства и алчности соперников, т. е. они должны быть весьма неодинаковыми. Это первоначальное неравенство в соединении с вызвавшими его алчностью и дарованиями должно было еще увеличиться само по себе. Ибо один из пороков обществ¹⁸, уже утвердившихся, проявляется в том, что трудность приобретения возрастает здесь пропорционально потребностям; именно излишек в руках богатых дает им возможность обирать бедняка, отнимая у него необходимое.

Это — аксиома в делах, как и в физике, что ничто не творит ничего. Деньги — это подлинные семена денег, и заработать первый экю бесконечно труднее, нежели второй миллион¹⁹.

К тому же преступления наказуются лишь тогда, когда толкнувшая на них крайняя нужда делает их простительными. Они стоят чести и жизни немущему и приносят славу и состояние богачу. Бедняк, который, чтобы купить хлеба, возьмет одно экю у жестокосердого богача, утопающего в золоте,— это преступник, которого ведут на виселицу; тогда как окруженные почетом граждане беспрепятственно сосут кровь из ремесленника и землепашца²⁰; тогда как монополии торговца и лихоимство откупщика именуются полезными талантами и приносят тем, кто занимается этими делами, милость государя и уважение общества. Вот таким образом богатство всей нации за счет всего народа образует избыток богатств в руках немногих лиц и как сокровища миллионеров умножают нищету граждан. Ибо при таком неравенстве безмерном и противоестественном неизбежно получается так, что богачи, утопающие в радостях жизни, поглощают пропитание народа, а ему с трудом продают лишь черствый черный хлеб, по одной крошке за каплю его пота, и притом деною его поработления.

Добавьте сюда неизбежный рост цен на все предметы вследствие обилия монеты и особенно вследствие недостатка продуктов питания, что должно неминуемо произойти из подобного положения, как я это докажу ниже, и вы поймете, сколь легко доказать, что чем богаче деньгами какое-либо Государство, тем больше должны в нем страдать бедняки.

Итак, поскольку торговля и ремесла — это у нации лишь проявления потребностей ее и поскольку деньги не есть вовсе признак подлинного богатст-

ва, отсюда следует, что сочетание всех этих вещей не есть также признак счастья.

Дабы устраниТЬ иные бесполезные исчисления, надлежит различать те средства, которые частные лица используют, стремясь обрести счастье, каждый сообразно своему характеру и наклонностям, и те средства, которые Общественный организм может использовать для достижения той же цели. Ибо поскольку общество не может ни предвидеть, ни удовлетворить различные желания тех, кто его составляет, оно не обременяет себя никаким заботою; оно лишь заботится о защите всех членов и об их общей безопасности; в том же, что касается до средств к существованию, оно радеет лишь о том, чтобы частные лица были в состоянии сами заботиться об удовлетворении своих нужд. Так что все обязательства, которые конфедерация может взять на себя в отношении своих членов, сводятся к следующим двум положениям: мир и изобилие. Причем под этим словом «мир» надлежит разуметь не только безопасность, обеспечивающую мир внутри общества, но также и свободу, без которой не может быть никакого подлинного мира. Ибо тирания и рабство явно представляют собою состояние войны; и нетрудно доказать, что раб, убивающий своего господина, не грешит, поступая так, ни против естественного закона, ни даже против права международного.

Что до изобилия, то я разумею под этим словом не такое положение вещей, при котором некоторые люди обладают всем в изобилии, тогда как все остальные вынуждены к ним прибегать, чтобы получить от них средства к существованию за ту цену, которую этим людям угодно будет назначить, равно как и не то предположительное и невозможное, по крайней мере на долгий срок, положение дел, когда все находят у себя под рукою без труда и усилий, чем удовлетворить свои потребности, но такое состояние, когда все, что необходимо для жизни, имеется налицо в стране в таком количестве, что каждый человек в состоянии приобрести своим трудом²¹ все, что ему нужно, чтобы себя прокормить.

[О ЧЕСТИ И ДОБРОДЕТЕЛИ]

1

В любой стране, где царят роскошь и развращенность, общественное признание добродетели человека — это самая сладостная награда, которую он может получить, и любое добре дело не нуждается в ином вознаграждении, кроме провозглашения его добрым во всеуслышание. Эта истина вытекает

из только что изложенных мною принципов, и, к чести человечества, опыт подтверждает ее. Что побуждало лакедемонян к добродетели, если не желание почитаться добродетельными? Что, приведя триумфаторов к Капитолию, возвращало их к их плугу?¹ Вот источник корысти более надежной и менее опасной, чем богатства, ибо слава, приносимая добрыми делами, не сопряжена с такими неудобствами, как слава, приносимая богатством, и дает гораздо большее удовлетворение тем, кто научился ее ценить. Как же можно побудить людей к добродетели? следует научить их восхищаться ею и уважать тех, кто в ней упражняется. Огромное преимущество организованного таким образом Государства состоит в том, что злонамеренные не имеют никакой возможности осуществлять свои дурные замыслы и что порок не может добиться какого бы то ни было успеха.

Я не теряю надежды услышать однажды, как кто-нибудь из современных Философов скажет то же самое о тех блестательных народах, у которых, наряду с богатством, царствует ненасытная жажда их приумножения.

Мне кажется, нужно немного разъяснить свою мысль, иначе мало читателей согласятся со мной. А ведь речь идет о том, чтобы убедить всех, кто поклоняется только Маммоне².

Одной из странностей человеческого сердца является то обстоятельство, что, несмотря на свойственную всем людям склонность благоприятно судить о самих себе, существуют свойства, в отношении которых люди считают себя еще более достойными презрения, чем они этого действительно заслуживают. Так преобладающей страстью они считают корыстолюбие, хотя у них существует другая, более сильная, более общая и легче поддающаяся исправлению, которая пользуется корыстолюбием лишь как средством своего удовлетворения; это — страсть отличаться от других людей³. Делают все возможное для обогащения, но стремятся к богатству лишь для того, чтобы добиться почета. Это утверждение доказывается тем, что, не удовлетворяясь умеренным состоянием, представляющим собой достаток, каждый хочет достичь той степени богатства, которая привлекает к себе все взоры, но увеличивает хлопоты и заботы и становится почти таким же бременем, как и самая бедность. Еще одно доказательство — это смехотворное употребление богачами своих богатств. Вовсе не богачи наслаждаются их обилием, эти блага служат лишь для привлечения взоров и восхищения окружающих. Достаточно ясно, что желание выделиться является единственной причиной роскоши, проявляющейся в пышности⁴, так как существует очень незначительное число сластолюбцев, умеющих ценить проявление ее в изнеженности и сохранять всю ее прелест и доступную ей простоту. И мы видим, как, следуя одному и тому же принципу, все семьи непрестанно трудятся то для своего обогащения, то для разорения. Это — Сизиф, который лезет из кожи вон, чтобы вкатить на вершину горы камень, который он через минуту столкнет обратно⁵.

2

Итак, совершенно несомненно, что мы меньше ищем собственное счастье в себе самих, чем в мнении окружающих. Все наши труды направлены лишь на то, чтобы казаться счастливыми. Мы не делаем почти ничего для того, чтобы стать счастливыми в действительности, и если лучшие из нас хоть на минуту перестали бы ощущать, что на них смотрят, ни от их счастья, ни от их добродетели ничего бы не осталось. О афиняне! говорил Александр⁶, каких трудов мне стоит заслужить вашу похвалу. Один хочет, чтобы им восхищались за его доблесть, другой — за его могущество, этот — за богатства, тот — за доброту. Все хотят, чтобы ими восхищались. Вот тайная и конечная цель человеческих поступков. Различны лишь средства ее достижения. Именно выбор этих средств зависит от искусства законодателя. Народы, правда, и сами видят эту цель, но его дело указать к ней луть. Я признаю, что богатства всегда являются первым путем, который приходит на ум; ибо, помимо уважения, которые они вызывают, именно они доставляют также все жизненные удобства, но в сопровождении всех тех бедствий, которые корыстолюбие ежедневно приносит нравам, Государству и Гражданам. Итак, следовало бы добиться, чтобы обладание богатствами не давало выигрыша в жизненных удобствах, но вело к потерям в уважении. Вот этого-то превосходно и достигали законы Лакедемонии и добрые правы первых римлян, откуда я заключаю, что задача эта осуществима.

3

Корыстолюбие портит самые лучшие поступки. Тот, кто поступает хорошо только ради денег, ждет лишь лучшей оплаты, чтобы поступать дурно. Насколько добродетель, честь, даже почести и похвалы возвышают душу, настолько же денежные награды ее принижают, поэтому и презирают их мужественные люди. Во время недавней осады Лилля г. де Буфлер⁷, руководивший обороной города, желая разведать некоторые крепостные работы враха, к которым нельзя было приблизиться без крайней опасности, предложил добровольцам из солдат выполнить это поручение и двадцать пять луидоров награды тому, кто с ним справится. Вызвался один-единственный гренадер, имени которого я, к моему величайшему сожалению, не знаю, получил указания, отправился и под ужасным огнем произвел наблюдения со всем самообладанием храброго и разумного человека, каким он и был. Он остался невредим, и, когда явился дать отчет о том, что видел, маршал проникнутый восхищением, вместо двадцати пяти луидоров велел отсчитать ему пятьдесят. Мой генерал, сказал ему гренадер, возьмите обратно свои пятьдесят луидоров, ради денег этого не сделать. Я утверждаю, что именно для этого солдата и для подобных ему отважных людей следует придумать награды, и не беда,

что их даст государь, если Закон их не предусмотрел и если им не придана юридическая форма, обеспечивающая доверие и способная предотвратить злоупотребления.

4

Если, при прочих равных условиях, выполнять свой долг полезнее, чем не выполнять его, в добрый час; но тот, кто продает себя, чтобы выполнить свой долг, готов продать себя за большую цену, чтобы его нарушить; расчет весьма прост — заработка увеличится и ему заплатят обе стороны.

Ты платишь такому коменданту, чтобы он удержал крепость, но ему платят еще больше за то, чтобы он сдал ее. Разве ты думаешь, что этот человек не умеет считать, и разве ты не видишь, что на деньги, которые ему дает враг, он покупает при своем дворе честь быть награжденным за верность, а если бы он по глупости остался тебе верен, он пошел бы ко дну; он слишком дорожит честью, чтобы не быть плутом, он слишком хороший гражданин, чтобы не быть предателем; а если он любит славу, он должен быть безумцем, чтобы не стать предателем. Великий министр, прославленный монарх, высокий ум, каким ты являешься, попробуй найти от этого хорошее средство, ручаюсь, что тебе не удастся. Ты велишь его повесить. Бедняга! Тебе уже сказали однажды, что не вешают человека, располагающего сотней тысяч экю⁸. Да в конце концов, как же ты узнаешь, что этот человек виновен, если тебе докажут, что он невинен⁹. Как, ты решил быть строгим? Право же, без всяких оснований. Тем лучше для мошенников. Если и останется какой-то честный человек, который их стесняет, он вскоре будет повешен.

5

Естественная ли склонность заставила людей соединиться в общество, были они вынуждены к этому своими взаимными потребностями, несомненно, что именно из этого общения родились их добродетели и их пороки и, в какой-то мере, все их моральное естество. Там, где нет общества, не может быть ни справедливости, ни милосердия, ни человеколюбия, ни великодушия, ни скромности, ни, главное, заслуги обладания всеми этими добродетелями, я хочу сказать, всей трудности упражнения в них среди существ, исполненных всеми обратными этим добродетелям пороками. С точки зрения морали, является ли общество, по своей сути, добром или злом? Ответ зависит от сравнения возникших в результате образования общества добра и зла, от соотношения пороков и добродетелей, порожденных им у тех, кто его составляет, и при таком подходе вопрос разрешается чрезвычайно легко, и лучше было бы опустить завесу над всеми поступками людей, чем открыть нашим взорам отвратительное и опасное зрелище, которое они собой представляют, но, всматриваясь пристально, мы вскоре видим, что в решение этой задачи входят

и другие обстоятельства, которые обязан учесть философ и которые в значительной мере изменяют наш печальный вывод. А добродетель одного человека добрых нравов облагораживает человеческий род сильнее, чем могут его унизить все преступления злых.

6

Меня поражает, что среди такого множества удивительных открытий, сделанных в наши дни, никто еще не заметил, что именно при дворе королей зародилась философия. Мне кажется, что это парадокс не хуже других. В первобытные времена люди, еще не отесанные, считали, что, дабы иметь право повелевать другими, следует превосходить их в мудрости, и, руководствуясь этой идеей, государи были не только судьями справедливого и хорошего, но также прекрасного и истинного.

7

Всегда будет возвышенным и трудным делом подчинить свои самые дорогие привязанности родине и добродетели.

8

Если бы Брут оправдал¹⁰, или отказался осудить своего сына, как посмел бы он когда-нибудь осудить другого Гражданина? О консул, сказал бы ему преступник, разве я сделал нечто худшее, чем предательство родины, и разве я тоже не сын ваш?

9

Мне досадно за св. Августина¹¹, что он позволил себе щутить над этим возвышенным и прекрасным добродетельным поступком. Отцы церкви не смогли понять, что они приносят вред своему делу, унижая насмешкой все самое высокое, что было создано мужеством и честью; из стремления еще приподнять возвышенность христианства они сделали из христиан людей малодушных и лишенных...

10

Пусть мне покажут в наши дни хотя бы одного судью, способного принести в жертву родине и законам жизнь своих детей. Возможно, несколько женщин умрут ради той призрачной чести, которая заключается в мнении других людей, но пусть мне покажут хотя бы одну, способную умереть за ту истинную честь, которая заключается в чистоте поступков.

11

На одного писателя, который учит их презирать жизнь, приходится сотня таких, которые учат их жертвовать всем ради ее сохранения.

12

Один честный ч[еловек] способен сдерживать всех живущих на его улице; порок всегда стыдится разоблачить себя в глазах добродетели.

13

Душа воспламеняется и ум возносится, когда говорят о добродетели. Даже самые порочные иногда чувствуют ее божественные восторги, и нет такого злодея, который не почувствовал в своем сердце искры этого божественного огня и не был способен на героические чувства и поступки, по крайней мере один раз в жизни.

14

Ибо то, что самые необузданые и разнужданные люди сразу и добровольно подчинились самому жестокому и строгому управлению, какое когда-либо существовало, это — чудо, которое могло произойти лишь благодаря внезапному восторгу перед добрыми нравами и добродетелью, охватившему целый народ¹².

15

О ЧЕСТИ

Отцы церкви проявляли большое пренебрежение к добродетелям древних язычников, не имевших, по их мнению, никаких принципов, кроме стремления к суетной славе. Мне кажется, однако, что их очень затруднило бы обоснование столь дерзкого утверждения. Ибо как могли бы они найти в поведении Сократа, Фокиона¹³, Анаксагора¹⁴, Аристида¹⁵, Катона, Фабриция или в писаниях Платона, Сенеки¹⁶ и Марка Антонина¹⁷ хоть малейший повод к такому обвинению? Вероятно, они остереглись бы с такой язвительностью клеветать на язычников, если бы предвидели, что скоро настанет день, когда самих христиан будут с основанием укорять в том же, в чем они укоряли мудрость языческого мира.

[ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ]

1

Если этот принцип справедлив, то из него соответственно вытекает следующий: необходимость тщательно изгонять из всего, что зависит от человеческого труда, всякие машины и всякие изобретения, способные сократить работу, сэкономить рабочую силу и дать тот же результат с меньшей затраченной усилий¹.

2

Рассуждая совершенно последовательно, следовало бы стремиться делать предметы промышленности непрочными и некрепкими и как можно менее долговечными, и считать истинными благами пожары, кораблекрушения и всякие другие опустошения, составляющие несчастие людей.

3

Если бы нашли какой-нибудь способ облегчить вспашку земли и сократить число занятых на ней волов, то это усовершенствование непременно вызвало бы понижение цен на хлеб и повышение цен на мясо. Необходимо выяснить, будет ли такая деятельность столь же полезна беднякам, сколь она будет невыгодна больным, которые больше нуждаются в бульоне, чем в хлебе.

4

Следует вообще заметить, что если сдельная оплата в многочисленных промыслах доставляет средства к существованию большому числу людей, то одновременно она делает более тяжелым существование всего народа из-за ее непременного следствия — удорожания продуктов питания.

5

Я признаю, что деньги облегчают обмен, однако надо сделать больше, пусть обмен станет почти ненужным, добейтесь, чтобы каждый, по возможности, сам удовлетворял все свои потребности.

6

Именно недостаток в железе заставил американцев² сначала пренебречь мореплаванием, а затем и вовсе забросить его.

7

Налоги — это особый вид дохода, и поскольку большая часть налогов по своей природе тает в руках тех, кто их собирает, они разоряют народ, не обогащая казначейства, и, следовательно, всегда приносят больше вреда, чем пользы.

8

Длительное время черпая средства из кошелька богачей займами и из кошелька бедняков налогами, Англия, в конце концов, неизбежно разорится по той единственной причине, что она оплачивает свои долги исключительно за счет налогов.

[О РОДИНЕ]

1

Земля, на которой мы живем, общая мать и кормилица всех людей, она родина человеческого рода. Однако никакие особые чувства нас к ней не привязывают; если бы мы все могли быть перенесены на другую планету, и жить там с большими удобствами, кто бы из нас вздумал пожалеть об этой? Но совершенно иная любовь привязывает нас к стране, где мы родились, к родине в собственном смысле этого слова; эти привязанности так же различны, как различны климаты, правительства и образы жизни; одни, родившись в хорошей стране, легко забывают ее, живя в худшей; другие, среди благополучия чужой страны, непрестанно сожалеют о своем бедном доме и, вздыхая, вспоминают свои пески и скалы. Для первых — родина повсюду, где им хорошо, для вторых — хорошо может быть только на родине. Откуда такое противоречие? Может быть, оно происходит оттого, что они пользуются различным языком, чтобы выразить одно и то же, и слово родина не имеет в обоих случаях одинакового смысла.

Эта мысль, уже давно смутно и неясно представавшая предо мной, случайно получила прояснение и развитие, когда я меньше всего занимался ею. Однажды, читая книгу аббата Дюбо¹ о поэзии и живописи, я натолкнулся на следующий отрывок, который привлек мое внимание: «Мы знаем сейчас народы, которым ныне уже более не соответствует характер, приписываемый древ-

ними авторами их предшественникам. Жители Рима не походят более на древних римлян, столь знаменитых своими военными доблестями».

На этих словах я прерываю чтение, я спрашиваю себя, правда ли, что современные римляне соотечественники древних. Я с негодованием представляю себе...

Я пытаюсь обнаружить, что могут иметь общего эти две породы людей, выросшие на одной почве. Я углубляюсь в размышления на эту тему, книга выскользывает у меня из рук. Мысли роятся толпой, и затем, улетучиваясь с той же легкостью, наводят меня, в конце концов, на план набросать на бумаге те из них, которые мне удастся запомнить, они и составляют предлагаемый читателю неотделанный и беспорядочный сборник².

2

Чтобы понять, как люди могут быть соотечественниками, нужно знать, что такое родина и какого рода узами они с ней связаны. Такое исследование невозможно без того, чтобы не обратиться к самым первым связям человека вообще.

Мы зависим от вещей через свои аппетиты, от людей в силу своих привязанностей и от тех и от других по привычке; я не вижу никаких иных уз, которые могли бы привязывать человека предпочтительно к одному, а не к другому месту. Однако человек устроен так, что из потребностей у него рождаются аппетиты и создаются привычки. Для сохранения людей, либо как индивидуумов, либо как род, необходимо, чтобы их естественные аппетиты удовлетворялись, а из ежедневно удовлетворяемых аппетитов рождаются привычки, нужные для сохранения людского рода. Отсюда бы, казалось, следовало, что из любви к самим себе все народы, одинаково привязанные к предметам своих аппетитов и своих привычек, являющихся также средством их сохранения, должны испытывать одинаковую привязанность к земле, питающей их с самого рождения, и которая одна доставляет их чувствам эти предметы; что, если бы и существовали какие-нибудь различия, то они бы зависели от большей или меньшей легкости получения этих предметов, и те, кто с большим трудом добывали бы себе все необходимое, меньше любили бы страну, которая им все это доставляет, что в действительности не так, как мы уже говорили выше. Следовательно то, что любят в своей стране, то, что, собственно, называют родиной, это совсем не то, что относится к нашим аппетитам и порождаемым ими привычкам, это не просто место и не просто вещи, предмет этой любви нечто более близкое нам³.

2

Если граждане получают от нее все, что способно придать цену их существованию,— мудрые законы, простые нравы, все необходимое, мир, свободу и уважение других народов,— они воспламенятся любовью к столь нежной матери. Они не будут знать иной настоящей жизни, кроме той, которую они от нее получили, ни иного истинного счастья⁴, как употребить свою жизнь на служение родине; и они будут считать одним из ее благодеяний честь, в случае необходимости, пролить всю свою кровь для ее защиты.

3

И, согласно данному мной определению добродетели, любовь к родине непременно к ней приводит, так как мы охотно желаем того, чего желают те, кого мы любим⁵.

4

Любовь к человечеству наделяет людей множеством добродетелей, например, кротостью, справедливостью, умеренностью, милосердием, снисходительностью, но отнюдь не внушает им мужества, твердости и т. д.; и не наделяет их также той силой, которую сообщает им любовь к родине, возвышающая их до героизма.

5

Из различных событий ист[ории] Рима и, между прочим, из истории Атилия Регула, видно, что римляне, попадавшие в руки врага, считали себя как бы лишенными права гражданства и, так сказать, натурализованными среди тех, кто их пленил. Однако эта нелепая точка зрения существовала только в их мнении, и ничего соответствующего ей нельзя обнаружить в поступках этих добродетельных мужей. Сам Регул⁶, считавший себя карфагенянином и отказавшийся занять свое место в Римском Сенате, так явно выступал в нем против интересов своей новой родины и против наказов своих хозяев, что, если он действительно вынужден был сохранять им верность и повиноваться их распоряжениям, то самый возвышенный из человеческих поступков окажется не более чем преступлением предателя, и следовало бы по справедливости оправдать ужасную казнь, которой в наказание за неповинование его предали жестокие карфагеняне.

[ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ
СПАРТЫ И РИМА]¹

1

Я предоставляю любителям современной истории определить, которая из этих двух картин ей больше подходит. Что касается меня, любящего рассматривать лишь те примеры, на которых человечество может учиться и коими оно может гордиться; видящего среди своих современников лишь бесчувственных государей и стенающие народы; войны, в которых не заинтересован никто и которые приводят в отчаяние всех; огромные армии в мирное время, однако бездеятельные во время войны; министров, всегда занятых, для того чтобы ничего не делать; таинственные договоры, не имеющие цели; союзы, которых долго добивались и которые на следующий же день расторгают; наконец, подданных, тем более несчастных, чем богаче Государство, и тем более презираемых, чем могущественнее Государь; я опускаю завесу над всеми этими прискорбными и горестными предметами и, не в силах облегчить наши страдания, по крайней мере избегаю их рассматривать.

Но я люблю обращать свои взоры на те картины почитаемой нами древности, где я вижу людей, достигших, благодаря возвышенным установлениям, высшей степени величия и добродетели, доступной человеческой мудрости. Обозрение таких достойных уважения памятников в свою очередь возвышает душу и воспламеняет мужество; мы в какой-то мерествуем в героических действиях этих великих мужей, кажется, будто размышление об их величии наделяет и нас долей его, и об этих великих людях и об их речах можно было бы сказать то же, что говорил Пифагор об изображениях богов, наделяющих новой душой тех, кто обращается к ним за предсказаниями².

В измышлениях своих сказок поэты не могут придумать ничего, что способно нам больше понравиться, чем сочетание достоинства и счастья и даже быть столь поучительным. Сердце не может отказаться от нежного интереса к добродетельным людям, и если они преуспевают, то хорошие люди радуются их счастью, потому что те добродетельны, а остальные радуются их добродетели потому, что они счастливы. Хотя в истории редко встречаются такие благоприятные сочетания, однако ей лучше удастся их использовать, и когда к картине счастливой мудрости присоединяется священное свойство достоверности, она учит людей подчиняться промыслу Божию и придает прямодушным и чувствительным сердцам больше мужества поступать правильно. Кроме того, история может дополнить недостающее в ее повествованиях для поучения читателей, сочетая и рассматривая с одинаковой точки зрения события и героев, способных объяснить друг друга³. Такие сопоставления позволя-

ют лучше различить, что является делом судьбы, а что делом благоразумия; при противопоставлении людей или народов все, что их различает, ошибки, которые делает один из них, позволяют нам заметить, как мудро второй их избегает, и для нас одинаково поучительны и их недостатки и их достоинства. На мой взгляд в поисках сопоставления, сочетающего все эти преимущества, нельзя найти лучшего, чем параллель между теми двумя государствами, которые я собираюсь сравнивать. Рим и Спарта вознесли людскую славу до ее высшего предела; оба блистали одновременно и доблестью и мужеством, оба испытали большие превратности судьбы и обоим выпали на долю еще большие удачи, оба своей мудростью способствовали успеху или завоевывали его, и опровергли своим прочным и стойким общественным устройством распространенные предрассудки о непостоянстве свободных народов. Когда цели велики — отношения ощущимы; в том и в другом государстве сначала правили цари, затем каждое стало свободным и, наконец, оба погибли под властью тиранов; каждому пришлось бороться с грозным соперником, часто приводившим его на границу гибели, соперником, которого, однако, все же удавалось победить, но чье поражение оказывалось гибельным для победителей; увеличение обоих государств, хотя и очень неодинаковое, также послужило причиной их падения. Наконец, и в том и в другом отмечается одинаковая гордость, одинаковые нравы, одинаковые правила и, главное, одинаковое восхищение своей родиной. Что же касается различий, то их всегда наберется больше, чем нужно для оправдания моего сопоставления, и у меня будет столько случаев говорить о них ниже, что не стоит отмечать их здесь.

Причины образования государства Спарты не менее необычны, чем ее законы, и ее основание произошло путем совершенно противоположным установлению других правлений. Среди различных состояний человека, способного жить в обществе, одной из крайностей является гражданская свобода, а другой — естественная свобода. Различные политические устройства образуют между этими двумя крайностями столько же промежуточных степеней свободы, начиная с чрезмерной вольности и кончая тиранией. Спарта же, напротив, начав с деспотизма, вскоре выродилась в анархию, являя ход развития, обратный естественному, что было следствием завоевания Пелопоннеса Гераклидами⁴. После того, как Еврисфен и Прокл⁵ с глупой жадностью присвоили себе все имущество частных лиц, под тем предлогом, что Лакония завоеванная страна, жители, которых ничто более не привязывало к родине, бежали в соседние страны, и оба тирана, владыки обширной пустыни, узнали на собственном опыте, что суверенитет и собственность несовместимы, что права Государя зиждятся исключительно на правах его подданных и что невозможно, не давая ничего взамен, длительно повелевать людьми, которым нечего терять.

Чтобы заменить жителей, которых не захотели удержать, уступив им часть их собственного имущества, призывали иноземцев, которым пришлось дать больше, чем взяли у их предшественников, так что случилось, как всегда будет случаться и впредь, что цари обеднели из-за того, что все захватили. Но, непрерывно отдавая и ничего не получая, правительство не в состоянии было долго просуществовать. Пришлось, в конце концов, вернуться к налогам, которыми и следовало с самого начала удовлетвориться. Агис взимал налоги со всей строгостью Государя, считающего, что ему все дозволено и которого опыт никогда не исправит. Народ от ропота перешел к восстанию. Взялись за оружие, Агис оказался сильнее, и жители Гелоса⁶, побежденные и порабощенные, навеки явили в Спарте тщетный и пагубный пример жесточайшего рабства среди самой полной свободы.

Отнюдь не укрепив своей власти такими жестокостями, цари, не позабывши прикрыть видимостью законной власти несправедливый ее захват, лишили себя помощи в те неизбежные моменты слабости, когда одно только право может заменить силу и когда самое сильное правительство, чтобы оно ни делало, оказывается во власти народа. Поэтому им вскоре пришлось изменить свои методы, и государи, никогда не руководившиеся рассудком, столь же неумеренные в своей снисходительности, как и в своей строгости, позволили слишком ясно увидеть, что они справедливы лишь из боязни, и следует непрерывно нападать на их власть, чтобы предупредить злоупотребления ею. Но больше всего способствовало падению верховной власти ее разделение между обоими царями. Ибо, непрерывно пытаясь захватить власть друг у друга, они лишились ее оба. Не сумев заставить ни полюбить себя за милостивость, ни уважать за справедливость, они оказались вынуждены наперебой низменно льстить толпе и создали себе больше врагов, чем приверженцев, своей слепой пристрастностью, заставившей их ненавидеть, и безнаказанностью преступлений, заставившей их презирать.

Совокупность всех этих причин за несколько поколений полностью уничтожила в Спарте монархию, и от правительства не осталось ничего, кроме пустой формы, лишенней реального значения, и только препятствующей установлению лучшего государственного управления. Государство впало в анархию, худшую чем естественная независимость, потому что не было никакого способа из нее выйти, и, так как пока существовали цари, народ не мог ни установить себе законов, ни избрать магistrатов, царская власть, лишенная силы, служила лишь защитой своеволию и разбою. При таких обстоятельствах, когда Политический организм был на грани распада, появился Законодатель.

Чтобы правильно судить о том, что совершил Ликург⁷, на мгновение представим себе, что он ограничился бы только замыслом.

Если бы Карфаген находился в Италии, а Афины на Пелопоннесе, быть может, Рим и Спарта существовали бы еще и поныне.

Но он не видел, что любовь к завоеваниям была неизбежным пороком его общественного устройства, пороком более сильным, чем закон, подавляющий эту любовь, ибо гражданская жизнь лакедемонян отличалась такой сурвостью, что в армии они жили с большими удобствами, чем у себя дома; и тяготы войны были для Спарты изнеженностью, и хотя эта изнеженность и была совсем нового рода, тем не менее она привела к ограничению прежних размеров государства пределами его территории и принизила его граждан, делая их не более чем равными другим людям.

2

Оба они устраивали множество представлений, собраний и церемоний, учредили множество коллегий и особых обществ для того, чтобы породить и поддерживать среди Граждан те приятные привычки и то невинное и бескорыстное общение, которые образуют и питают любовь к родине. Они воспользовались сходными средствами, чтобы прийти к одной и той же цели противоположными путями. Ибо один из них, внушая своим народам страх перед Богами, любовь к богослужениям и вкус к мирному обществу, просветил их мужество и умерил их жестокость; другой, теми же мирными занятиями, сумел привить своим подданным военные наклонности и таланты; и оба опи, будучи врагами насилия и завоевания, стремились только обеспечить независимость и спокойствие государства.

3

Что касается размеров этих государств, то между ними не может быть никакого сравнения. Спарте, почти что ограниченной пределами своих стен, не удалось даже покорить Грецию, являющуюся, можно сказать, лишь ничтожной точкой в Римской империи. А Рим, подданными которого были столько царей, так далеко простер свое господство, что в конце концов вынужден был сам себя ограничить. У Спарты не было перед Римом даже преимущества, присущего маленьким государствам,— стойко выдерживать нападения величайших народов, превратности судьбы и приближение полной гибели. Ибо в начале своей истории они были одинаково слабы, и если против одной из них были цари Персия⁸, Эпаминонд⁹ и Антипатр¹⁰, то другой пришлось противостоять галлам¹¹, Пирру¹² и Ганнибалу. Выказывая еще большую стойкость в превратностях судьбы, Рим становился после поражений лишь более непреклонным, и эта гордость, коей Спарта не обладала в той же степени, позволила, наконец, Риму восторжествовать над всеми своими врагами. Оба государства отличались одинаковой доблестью, руководимой различными принципами. Всегда готовый умереть за свою страну, спартанец так нежно

любил свою Родину, что пожертвовал бы даже и самой свободой, чтобы спасти ее. Но римляне никогда не могли себе представить, чтобы Родина могла пережить потерю своей свободы, или даже своей славы.

4

В эти отдаленные времена, когда нарождающееся и недостаточно упрочившееся право собственности еще не было установлено законом, богатства казались лишь несправедливо присвоенным добром, и когда удавалось отобрать эти богатства у их обладателей, то едва ли считалось грабежом отнять у них то, что им не принадлежало. Геркулес и Тезей, эти герои древности, по существу были просто разбойниками, грабившими других разбойников.

5

Однако самым удачным в этом сопоставлении является то, что хотя ни одно из этих государств не достигло возможного для них совершенства, однако их недостатки были различны, и так как одно обладало достоинствами, отсутствующими у другого, то при сравнении зло выявляется не иначе как с лекарством против него. Такое сопоставление событий дает при рассмотрении фактов картину самого превосходного правления и самого доблестного и мудрого народа, какие только могут существовать.

[О ДВОРЯНСТВЕ]

1

Вы просите меня, милостивый государь, высказать свое мнение по вопросу, который вы рассматривали: оказался ли упадок крупных Сеньеров во Франции полезен или вреден для Монархии¹.

То, что вы подразумеваете под словом Монархия, в устах французов может иметь весьма различный смысл. Если под словом Монархия вы понимаете короля, то вопрос ясен и ответ очевиден; но если вы подразумеваете нацию в целом, то это дело другое, и здесь есть о чем поговорить.

2

Вся разница заключается в том, что в те времена зло иногда встречало сопротивление и что оно более не встречает его ныне.

В те времена роскошь увеличивала могущество дворян, а теперь она их губит, роскошь ставит их в самую тесную зависимость от двора и от министров и лишает их способности существовать иначе, чем на непрерывные милости, представляющие собой плоды порабощения народа и цену их собственного порабощения.

3

Правда, они жили в услужении, но что представляет собой дворянство как сословие, как не собрание лакеев. Дворянство создано в основном для того, чтобы служить, оно существует только этим и только для этого. Услужение всегда одинаково, различен только господин².

[О НРАВАХ]

ИСТ[ОРИЯ] НРАВОВ

1

Постоянная ошибка большинства моралистов состояла в том, что они принимали человека за существо, в основном, разумное. Человек всего лишь существо, способное чувствовать, которое, действуя, советуется исключительно со своими страстями и обращается к разуму только для исправления глупостей, которые они заставляют его совершать¹.

2

Рассматривая с философской точки зрения взаимодействие всех частей, входящих в состав нашей обширной вселенной, легко заметить, что главное достоинство каждой из них не заключено в ней самой и что каждая часть была создана не для того, чтобы оставаться отдельной и независимой, но чтобы способствовать, вместе с остальными, совершенству всего механизма в целом.

Так же обстоит дело и в области морали. Пороки и добродетели каждого ч[еловека] относятся не только к нему. Их главное соотношение — это соотношение с обществом, и то, что они представляют собой относительно общественного порядка в целом, и составляет их сущность и их характерные особенности.

3

Природа сеет для всех одинаково, но урожай мы собираем разный.

4

Прежде всего хорошее и дурное отнюдь не одинаковы по самому своему строению. Правильный и хороший поступок должен быть таким не только по своей цели, но еще и в отношении всех его возможных связей. Наоборот, всякое действие, порочное хотя бы в одном только отношении, как бы похвально оно ни было в других, становится само по себе дурным. Таким образом, при прочих равных условиях, зло, неизбежно, должно превышать добро, в соответствии с тем множеством объектов, к которым могут относиться моральные свойства каждого поступка. Кроме того...

5

Что, если в каждом поступке оставить в стороне средства и рассматривать лишь цель, то обнаружится несравненно больше хороших поступков, чем дурных. Все они имеют непосредственной или отдаленной целью благополучие того, кто их совершает, причину саму по себе весьма хорошую и весьма невинную, если бы для ее достижения не применялись преступные средства. Многие делают добро просто из чистой добродетели и не имея иной цели, кроме самого добра, но трудно поверить, чтобы человек когда-либо делал зло ради удовольствия поступать дурно. Отсюда я заключаю, что во всем нашем поведении больше ослепления, чем злого умысла, и что один добродетельный человек приносит человечеству больше чести, чем унижают его все дурные. Я отнюдь не чувствую себя униженным преступлениями Калигулы, Нерона и Гелиогабала², но мою душу рассказ о добродетелях Антонина³ облагораживает и возносит.

6

Закон действует только вовне и руководит лишь поступками, только нравы проникают во внутрь человека и направляют волеизъявления.

7

Во всякой стране, где государственное устройство включает нравственность, законы всегда направлены более па поддержание обычаяев, чем на наказания и на поощрения. Для этого достаточно общественных обязательств, которыми частные лица препебрегают лишь в развращенных странах, где такие обязательства в самом деле достойны презрения.

8

...грядущим векам, что вы существовали, если вы не оставите им ни философской системы, ни стихов, ни комедий, ни статуй? Подумайте только, что если бы, к несчастью, все народы Греции подражали вам, столько прекрасных вещей, которые они передали потомству, были бы потеряны навсегда. Подумайте, что ради добродетели дозволено действовать лишь поскольку слава...

Торопитесь отказаться от законов, пригодных лишь для того, чтобы сделать вас счастливыми. Думайте лишь о том, чтобы о вас много говорили, когда вас больше не будет, и никогда не забывайте, что если бы великих мужей не прославляли, то не стоило и быть великими.

9

Любовь к литературе рождается из праздности и питает ее, таким образом занятие литературой возвещает о начале разврата наряда и быстро завершает его. Помимо праздности, занятие свободными искусствами возвещает еще о неравенстве состояний, о склонности к незначительному, о появлении роскоши: о трех источниках, из которых широкой струей изливаются в наше общество пороки⁴. Что же касается механических искусств, то, устрая все неудобства, они расслабляют тела, порабощают души и создают иные беды, более опасные, которые я еще не обсуждал и о которых, быть может, у меня будет случай поговорить в другом месте.

10

Все первые философы проповедовали добродетель, и это их счастье, ведь за другую проповедь их побили бы камнями. Но когда народы стали просвещенными и решили, что они тоже философы, они незаметно привыкли к самым странным утверждениям, и не было такого чудовищного парадокса, для которого желание выделиться не нашло бы поддержки. Усомнились даже в самой добродетели и в божестве, и так как всегда необходимо думать иначе, чем думает народ, то за философами дело не стало, чтобы выставить в смешном виде то, чему он поклонялся.

11

Знать, богачи, и та блестящая часть общества, которую называют «хорошим обществом», стараются из всех сил всем своим поведением отличаться от других людей. Надо одеваться иначе, чем народ, ходить, пить, есть иначе, чем народ, говорить, думать, поступать, жить иначе, чем народ. Все же остается еще одно пренеприятное обстоятельство. Это необходимость вместе со всеми пользоваться четырьмя стихиями. Не могли бы мы найти утивый способ избавиться от девяти десятых совокупности тех людей, чье неблагородное дыхание загрязняет воздух, которым мы дышим?

12

...и, начиная свою карьеру со столь неравными силами, их различие увеличивается еще на весь тот путь, на который один опередит другого.

13

Общественное мнение, великую силу которого искусно применяли древние законодатели, находится в полном пренебрежении у современных правительств, ибо, раз они сами с ним не считаются, как бы они научили граждан уважать его.

14

Если бы они тратили немного меньше усилий, говоря нам, что мы должны поступать хорошо, и несколько больше на то, чтобы хорошо поступать самим, думаете ли вы, что их пример был бы менее полезен, чем их наставления? Зачем им тратить на то, чтобы сообщать нам о наших обязанностях, время, которое они должны были бы употребить на выполнение своих? и т. д.

15

Современная история не лишена замечательных событий, но это лишь события, я вижу несколько великих деяний, но я не вижу в ней более великих людей.

16

Каждый род занятий, каждое ремесло имеют свой особый словарь для пристойного выражения присущих им пороков. О министре не скажут, что он притесняет народ, но что он изыскивает средства, ни о финансисте, что он обворовывает государя, но что он умеет устраивать свои дела. Плут скажет, что он заработал кошелек, а куртизанка, что она приобрела положение.

Пристойность существует теперь только в выражениях, и чем больше разврата в душах, тем больше стараются выбирать слова и соблюдать чистоту в своих речах. Мне было бы во сто раз приятнее, если бы человек пришел и смело сказал мне, что он предал своего друга и благодетеля.

17

Министр, изыскивающий средства, откупщик, делающий выгодное дело, плут, зарабатывающий кошелек, все они делают, примерно, одно и то же, но каждый стремится смягчить существо дела, пользуясь выражениями своего ремесла. Пусть какой-нибудь наглец заявил мне без обиняков, что он только что совершил неслыханное мошенничество, я увижу в его речах может быть несколько больше наглости, но наверное значительно меньше малодушия.

18

Как бы то ни было, кражи и разбой меняют свои свойства, меняя свои соотношения; мелкие — обеспечивают и приводят на виселицу или на колесо тех, кто их совершает, а крупным обеспечена безнаказанность, и они, в конце концов, приводят к славе.

19

Существуют страны, в которых общественное достояние не приносит более никаких доходов. Это случается, когда ремесло того, кто крадет у общества, настолько облагорожено, что все почтенные люди нации с достоинством им занимаются, и гордо называют своими правами то, что раньше называли бы кражами.

20

Поразительно, как, пользуясь прекрасным принципом, что нет ничего дурного в том, чтобы красть у государя, удается быстро успокоить совесть относительно любых видов краж вообще.

21

Большинство грабителей с большой дороги начинали с того, что были контрабандистами, и убийства, которые они совершали для того, чтобы сохранить свою жизнь, вскоре привели их к убийствам прохожих для того, чтобы овладеть их кошельком.

22

Они жертвуют своей свободой ради сохранения своей жизни, как путешественник отдает свой кошелек грабителю, чтобы не быть убитым; разве это значит, что вор приобрел кошелек честным путем или что владелец не имеет права отобрать свой кошелек у вора, как только сможет это сделать.

23

Бессмысленность жестоких пыток в Японии, где позор имеет такую силу. Смотрите Манделсло⁵, стр. 424.

24

[ОГЛАВЛЕНИЕ ПРОЕКТА «ИСТОРИИ НРАВОВ»]

Кн. I, гл. I. О нравах вообще; гл. II. О диких народах; гл. III. О варварских народах; гл. IV. О цивилизованных народах; гл. V. О просвещенных народах; гл. VI. О народах тружениках; гл. VII. О добродетельных народах; гл. VIII. О религии.

Кн. II, гл. I. О египтянах; гл. II. О персах; гл. III. О скифах; гл. IV. О греках; гл. V. О карфагенянах; гл. VI. О галлах; гл. VII. О германцах; гл. VIII. О римлянах.